
МИРДАР:
СИЯНИЕ ТЕНИ
АЛЕКС КОЗЫРЕВ

Мирдар

Алекс Козырев

Мирдар: Сияние тени

«Автор»
2026

Козырев А.

Мирдар: Сияние тени / А. Козырев — «Автор»,
2026 — (Мирдар)

Что если тело погибло, а ты - остался? Ощущения совсем иные. Ты больше не чувствуешь тепла, но видишь нити, из которых соткан мир. Ты не дышишь, но слышишь, как дышит сама реальность. И теперь нужно как-то действовать дальше. Опять начинать сначала?Но главное - это навязчивое, липкое чувство, что тебя снова ведут. Туда, где можно легко и незамысловато покинуть этот бренный мир. Проклятые манипуляторы...Ты - тень от живого...

© Козырев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пробуждение. 5
Глава 2. То, о чем не говорят. 12
Глава 3. Новый старый мир. 18
Глава 4. Тропа колдуна. 24
Глава 5. Тонкости жизни. 32
Интермедия I. 43
Глава 6. Испытание воли. 45
Глава 7. Нити судьбы. 52
Итерлюдия I. 62
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Алекс Козырев
Мирдар: Сияние тени

Глава 1. Пробуждение.

Пространство проявилось рывком. Вот меня не было, и тут же я все ощутил. Источники света отсутствовали. Но я чувствовал – я находился в помещении, его четкие границы, формы, и они мне были смутно знакомы. Со мной в помещении теперь был кто-то еще. Оно смотрело, выжидало. Я определил вокруг сильное спокойное давление. Были и мысли – мои? Больше похоже как хаотичное нагромождение всяких переживаний, несделанных дел, незакрытых целей, и теперь бесполезных ожиданий, воспоминаний о тех, кто кого-то ждал. Последние секунды жизни проносились перед глазами раз за разом. Сколько так продолжалось было не понятно - когда наконец-то я усилием воли остановил этот калейдоскоп, и обратил внимание наружу, то ощутил - что-то мягкое обволакивает, касается меня. Не буквально, не материей – энергетически. Множество мягких и одновременно колких мурашек давлением вклинивалось в те места, где я, кажется, существовал сейчас.

- Осознался, наконец? – вопрос прилетел отовсюду, но воспринимался как привычная речь, чуть грубоватый жесткий голос как будто с примесью стали.

Рой вопросов проскочил в «голове». Кто тут, где я, как я сюда попал, почему я не чувствую тела, что за странные ощущения «тела»?

- Очень много вопросов, и если ты готов, давай поговорим. Но сразу предупрежу, что все что ты думаешь и чувствуешь, будет тобой произноситься, вне зависимости хочешь ты того или нет, – произнес он. Да, наверное правильно было все-таки сказать «он».

- Все верно. Меня зовут Кседльварр, - представился собеседник.

Ого, созвучно с замком, где я проходил обучение целый год. Оплот искусства честного боя.

- Так ты дух хранитель замка? – догадался я, «осматривая» по новой помещение. Знакомо, еще как знакомо. Та же первая пещера, где я проходил испытание, почти та же.

Из отверстия в потолке тонким лучом не падал свет. Гладкие отполированные стены и пол теперь казались древними, а темный каменный постамент в виде цилиндра в дальнем углу был исписан рунами магии – единственного источника света, но крайне слабого, такого, что даже не мог осветить и пяди вокруг. Надписи "сражайся или умри" тоже не было. Комната тридцати шагов в поперечнике не имела выходов. «Чувствовалось» присутствие тлена и затхлости.

- Не совсем так, я тот, кого называют старыми богами, запертый в своем изначальном вместилище. Уже ненужный, выкинутый на обочину жизни. – Печальный «голос» разносился по помещению. – Но не будем о грустном, еще успеется, мы ведь тут надолго.

- Не понял, - слишком много вопросов пыталось влезть в «голову», но я пресекал их на корню, помня предостережение. Иначе это все скатится в хаос. Вот, опять… Я «замолчал».

Отовсюду донесся легкий смех. – А теперь, если ты не против, давай избавимся от того, кто тайком подсматривает. - Он уплотнил энергию в определенном порядке, как бы указывая, и я вдруг понял, что «во мне» до сих пор находится и энергия лича, и моему удивлению не было предела – его вместилище – золотая печать, которую я схватил перед самой смертью. А также рядом лежал и деревянный маленький веночек, и от него все так же протягивалась энергия, оборачивая вместилище, не давая ему выплеснуть злые эманации внутрь меня.

- Просто сместись в сторону. Теперь ты это можешь, просто сдвинься, и выйди из них. Это физические предметы, а ты уже не имеешь физической оболочки, сейчас они не имеют над тобой власти, – подсказывал он мне что делать.

Я попробовал передвинуться, и это далось очень легко, я «выпорхнул» в сторону и почувствовал себя более «целым», но вот энергия лича, которая проникла в меня ранее и защищающая меня сила богини природы Милоны, так и осталась, занимая, наверное, треть от всего моего объема. Я попробовал определить свой размер, и посему выходило – примерно шагов пять – шесть в поперечнике.

Я почувствовал и увидел, как дух, или точнее старый бог резко уплотнил свою энергию вокруг венка, проигнорировав печать. Не понял – почему венка, а не вместилища, оно же злое тут, или как вообще? Что-то чем дальше, тем меньше я понимаю, что вообще происходит.

- Вот так, теперь она не сможет подглядывать. Хорошо. А тратить попусту силы здесь она не станет. Насчет цилиндра – это просто батарейка с куском души, она сама по себе просто физическое проявление части мира. А вот венок – продолжение воли богини, хоть и «доброй». Теперь можно и обстоятельно поговорить, только не произноси имен новых богов. – Слово «доброй» он озвучил с явным сарказмом.

- Почему не произносить? – я озвучил первое, что пришло мне в голову.

- Неплохой вопрос, ну, давай начнем с него. Как именно, ты думаешь, боги «видят» мир? – Кседльварр спросил, и явно не надеясь получить от меня ответа, продолжил. И был прав, я, действительно, даже догадок не имел, о чем похоже ему было прекрасно известно. Кстати в этом воплощении коммуникация была гораздо «чище», ведь все что было проявлено «на уме» сразу было доступно для восприятия другому, включая эмоции. Как я уже понял, на то, что бы «не говорить» требовалось силой воли постоянно держать сознание в чистоте. В карточке персонажа была соответствующая характеристика - сила воли, и если я правильно помню, на шестой ступени она должна была вырасти до показателя в пять единиц. Не ясно, осталась ли у меня ступень развития. Может быть, это все хранит тело, и все также исчезает вместе с ним?

- Ты прав и не прав одновременно. Но давай последовательно, и держи себя в «руках», - на слове руках он заметно хохотнул, юмор, отметил я. – Боги как полотно, скатерть, расстеленное над столом, над миром. Чем сильнее бог, тем оно толще, но пронизывает только те вещи, которые бог смог себе присвоить, и за счет чего «кормится». В тоже время он может «смотреть», вот примерно как сейчас ты, только видит больше в силу опыта, и смотрит он там, где привлекают его внимание. Существо молится ему – оно вырабатывает энергию, бог чувствует, жрет ее, и может ответить, если захочет, но, как правило, этого не происходит. Богам почти нет смысла тратить свои силы на «мелочи» по их мнению. Вторым вариантом распространения воли бога – это вещи, наделенные его крупицей, если они там, где бога до этого не было, то он может попробовать «уцепиться» за новый кусок реальности, ну или просто подсматривать.

- То есть, в смысле, жрет? – мое внимание уцепилось за это слово.

- А ты как думал? Боги самые сильные хищники. Чем больше бог сожрал энергии, тем больше он может, тем сильнее его воля. Воля и энергия связаны вместе. Чем сильнее воля, тем больше бог может уплотниться, чем больше энергии, тем сильнее происходит уплотнение, а значит и воздействие на физический план реальности в случае необходимости.

- А зачем ты мне это рассказываешь? – все это было очень странно, познавательно, но подозрительно.

- Ха, я просто не хочу, что бы ты в своем невежестве помешал нам отсюда выбраться. – Он как бы обвел пространство вокруг себя, показывая, что это все, что у него имеется.

- То есть, я заперт? – я попробовал «выплыть» отсюда, но наткнулся на плотную волю Кседльварра, что не дал мне пройти сквозь стену. Не понял…

- Не спеши, ты не проживешь снаружи и часа, как тебя растащат эти паразиты, и другие проявления энергии. Задумайся, тот фантом, которого ты победил в конце, перед смертью, – что это было, чем он являлся? – он сделал паузу, ожидая ответа.

Я начал размышлять – ну энергия, по любому, злая, отравленная. Он имел форму, и частично он помнил прежнюю, особенно когда начал развоплощаться. Лич привязал его к себе своей магией смерти, создал марионетку, подчиняющуюся его воле – раба.

- Все так, новую форму ему придал лич своей волей, и его же вложенная воля не давала ему распадаться, уйти душе в посмертие, – произнес старый бог.

- А откуда ты знаешь то, что было со мной, - не мог не задать я этот вопрос.

- О, это просто, ты так фонтанировал образами, что выдал мне все сам, - он усмехнулся. - Задай действительно стоящий вопрос, и мы перейдем к твоему обучению.

- Что, обучению? – я произнес и буквально почувствовал как он «закатил глаза». – Ладно, как нам отсюда выбраться?

- Наконец-то. Ты поможешь мне, а я помогу тебе. Все просто. Я научу тебя существовать в этом мире, а ты научишься и переместишь это вместилище лича на мой алтарь, что бы я смог взять эту энергию и вырваться, наконец, отсюда. Предвосхищая твой вопрос – «они» меня сильно ограничили здесь.

- Хорошо, но что мне надо делать? – сдался я, но все равно какое-то легко недоверие присутствовало с моей стороны и он, видимо это почувствовал. Вместилище он не трогал, не усиливал давление над ним.

- Если я уберу свою энергию, которую, между прочим, долго собирал и сейчас активно трачу, то ты почувствуешь мир таким, каким он на самом деле является для существ без физической природы. Приготовься.

Он сделал карман вокруг места, где я был – убрал себя и я «почувствовал». Энергия мира рванула сюда, менее плотная, чем у него, но плотнее, чем моя. Тот шар энергии, что я сейчас собой представлял начал размываться по краям. Мою энергию начало растягивать, как будто она перестала принадлежать мне, сильнейший дискомфорт начал разрывать мою суть, я инстинктивно сжался, стал меньше, но этого не хватило. Пришло понимание, что мне не выжить, и первый раз со времени моего второго рождения, и я ощутил страх неминуемой гибели. Ужас начал охватывать все существо, и вдруг это кончилось. Мягкая энергия старого бога оплела меня, отгораживая от внешнего воздействия. А я пытался «отдышаться» от совсем неприятного опыта. Старый бог умел мотивировать.

- Вот так вот. Весь мир пронизан богами и их проявлениями, и все они кормятся за счет физического существования. Оболочки физических тел защищают сконцентрированную частицу духа от развоплощения, вырабатывая энергию, которую можно выпустить на волю, дать импульс, который тратится на действия и от этих действий - тела получают энергию обратно, но уже отличную от простой энергии существования мяса и крови. За счет этого вы развиваетесь. Вот такой вот круговорот построен в этом мире, а ты не задумывался - вот получил новую ступень и стал сильнее, но почему? Энергия в тебе стала плотнее, твоя воля стала податливей для тебя, ощутимей, тело откликнулось, напиталось мощью более плотной, сильной энергии, стало быстрее, сильнее. Вот и тебе сейчас надо опять научиться уплотняться, только напрямую, без костыля в виде физической оболочки, – закончил наставлять Кседльварр. – А вот что нужно мне от тебя - это что бы ты научился уплотняться настолько, что бы взять этот цилиндр и переставить его на мой алтарь. Тогда я смогу переработать эту энергию и сделать своей. Ну, приступим?

И мы приступили. Сначала он заставлял меня сжимать себя в более плотный шар. Получалось, хоть и не с первых попыток. Не знаю сколько попыток прошло. Очень иного. В моменты, когда отдыхал, я пробовал поднять найденный мелкий камушек, сначала я просто

«проходил» сквозь него, но в конце я смог даже немного его поколебать, даже не сдвинув, а скорее покачнув.

Когда от моих усилий перестал происходить хоть какой-либо видимый прогресс, старый бог сказал: - Хватит, дальше тебе нужна подпитка. Теперь надо переработать ту инородную энергию, что насильно вгрызлась и теперь живет в тебе. Богиня помогла тебе, внесла баланс в твое тело, уравновесив злые эманации печати, теперь тебе надо нарушить устоявшуюся конструкцию, и впитать в себя то, что начнет отделяться. Как катящийся с горы снежный ком, дисбаланс будет нарастать. Твоя задача принять эту энергию, она будет бурлить, как варево в котле, уплотняйся в местах «боя» как можно сильнее, и дави, что есть мочи в том месте. Держись и жди, и если твоей плотности и воли будет достаточно, все сработает. Если же нет… тебя разорвет в клочья. Теперь отдохни, и когда будешь готов, приступай. – Он замолчал, давая мне возможность осмыслить то, что мне надо будет сделать.

Это уже было серьезным испытанием, я опасался. Набирался храбрости некоторое время. Восстанавливал волю. Оказывается, она тоже тратилась и восстанавливалась, это была еще более чистая и тонкая субстанция, чем энергия физического плана, что теперь выступала моим основным телом. Она восполнялась как энергия в теле от еды, так и воля в энергии, от времени.

- Как я здесь все-таки оказался? – спросил я в моменты отдыха между упражнениями.

- Как ты думаешь, что произошло тогда, в момент испытания, когда ты завалил семерых мертвецов и сдох тут? Да и где тут? – он сначала дал осмыслить мне самому то, о чем я спрашивал, но под другим углом.

- Не знаю, я помню, что система выдала информацию о том, что сделано подношение, когда моя кровь попала на алтарь. Но, что это было за место? Оно вроде бы и похоже, и совсем не такое как сейчас.

- Это хороший вопрос. Раньше я был богом искусства боя. Когда создатели этого мира дали свое намерение проявить из ничего в реальность твердь, воду, облака, солнце, существ, и прочее. Были созданы мы, боги – те, кто должен был создать все это с нуля, прописать код в саму реальность, что бы все это было взаимосвязано, и работало. Я был вместилищем знаний, навыков, умений для существ. Они черпали это из меня, отдавая взамен свою совсем не безграничную энергию, и они научились. Стали самостоятельными, и такие как я стали просто не нужны. Кто будет молиться богу искусства, когда есть бог войны как квинтэссенции, кто будет молиться богу строительства, когда есть боги знаний, проявлений природы, порядка, существ, чувств? Никто! Теперь мы как библиотека для знаний. Нас заперли в подобных алтарях, копируя из нас пласты знаний когда «им» надо. Но теперь взамен нам перестала возвращаться энергия, потому что те, с кем мы «делимся» не возвращают энергию назад, это просто пустые вместилища для тех, кто приходит сюда «порезвиться». Твоя кровь, слепок энергии попал на мое вместилище, и я запомнил, сохранил. Когда энергия отделилась от тела, то тебя потянуло туда, где самая густая связь, и я вышел на встречу, выдернул тебя сюда. Ты ведь почти ничейный. – Хах, издал смешок дух. - Для богини природы ты был слишком «мелким» возмущением, что бы тратить на тебя свою силу. Поэтому это смог сделать я. – Старый бог наконец закончил свое длинное, и сложное объяснение.

- Как это, ничейный? – я был немного в шоке.

- Любое существо этого мира привязано к чему-то. Оно создает связи своими же действиями. Чем дольше оно живет, тем его больше пронизывают нити судьбы. Ты мало «пожил», не стал преклонять колен на алтарях богов, почти не возносил молитв, а если они и были, то не совсем искренними, или горячими, как бы их назвал жрец. А после смерти энергетика тела распадается, и боги как хищные рыбы слетаются на пир, каждый забирая себе свой кусочек, в соответствии с тем, что выработал за жизнь этот пирожок. Далее обглоданная душа улетает на перерождение, готовясь к новому всходу, или растворяясь в океане, то мне уже не ведомо. Это к богу смерти, ему задашь вопрос, если встретишься. – Он тихо рассмеялся. – А теперь давай

работать, и не спрашивай что такое душа, искра. Придет время, и нужда, сам все поймешь. Укрепи волю, сделай ее своим клинком. Выбери вниманием свое вместилище, окружи волей, уплотнись, - в которой раз, но уже другими словами, сухими выжимками, произнес старый дух.

Я сидел, переваривая слова Кседльварра. Моя Воля и правда собиралась по крупице извне. Я всегда действовал грубо, давил везде, пытался «стянуться» внутрь, чувствовал это не умом, а всем своим новым, странным телом - где во мне теперь текла густая, вязкая энергия, а сомнения разъедали волю, как кислота, теперь я это отчетливо увидел.

И тут же понял: а ведь раньше - почти не сомневался.

Не потому что был уверен. Потому что не было выбора. Система говорила - делай. Наставник говорил - делай. Барон говорил - пойдем. Я просто шел и делал, и сомнений почти не было, потому что их не могло быть. Сомнение - это когда ты стоишь на развилке и понимаешь, что выбор - твой. А когда выбора нет, сомневаться не в чем.

Теперь выбор был. И каждое решение - мое. И каждое можно было оспорить. И это оказалось страшнее, чем казалось.

- Ты сейчас думаешь, что сомнение - это слабость, - сказал Кседльварр, будто прочитав мои мысли. - Это не так. Сомнение - это воля, которая смотрит на себя в зеркало. Чем сильнее воля, тем острее сомнение. У слабого нет сомнений - он просто плывет по течению. У тебя нет течения. Ты сам - течение. И потому каждое движение ты проверяешь на прочность. Это не недостаток. Это цена.

- Цена за что?

- За свободу. Ты не привязан ни к богу, ни к системе, ни к чужой воле. И потому каждый шаг - твой. А значит, каждый шаг можно оспорить. Сомнение - это не враг воли. Это ее тень. Без тени не бывает света.

Я молчал. Внутри что-то щелкнуло - там, где я сам. Сомнение не разъедало волю. Оно ее оттачивало, как точильный камень - клинок.

- Значит, я… пустой, - пробормотал я, скорее себе, чем ему. - Не успел ни к кому привязаться, поэтому…

Кседльварр просто был и следил за мной, с ожиданием.

- Не пустой, - наконец отозвался он. - Просто не помеченный, хотя немного меток на тебе и присутствует. В этом твоя сила сейчас. И твоя опасность. Ты - как незаполненный сосуд. Любой бог, когда заметит, сможет влить в тебя что угодно, и ты примешь, а потом растворить тебя в себе. Также и колдун силой своего волшебства сможет тебя поработить. Но пока ты ничейный, ты можешь выбрать, чем наполниться. Или остаться собой, укрепиться, стать монолитом, неподвластным другим.

Я криво усмехнулся - усмешка вышла непривычной, ведь улыбаться теперь было нечем, но ощущение осталось.

- Звучит как комплимент.

- Это не комплимент, - сухо ответил он. - Это факт. А факты не утешают. Они просто есть. Теперь хватит разговоров. Ты отдохнул. Пора переходить к делу. Ты помнишь, что нужно сделать? Сконцентрироваться на инородной энергии, уплотниться в точках борьбы, и давить, пока оно не сдастся и станет частью тебя.

Я кивнул, хотя внутри все сжималось от памяти о том, насколько эта энергия смерти и страданий злая, буквально кожей и всем существом ощутив ее первый раз, когда взял этот проклятый цилиндр в руку… но отступать было некуда, я сам уже не видел другого выбора. Сильнее стать получится, только если впитать в себя больше, а энергия даст волю. Воля даст силу. И если я сейчас дрогну, то не только проиграю, но и перестану понимать, зачем вообще был выдернут из смерти.

И я начал.

Сначала это было похоже на то, как сжимаешь кулак, только сжимать приходилось не пальцы, а саму свою суть. Я тянул энергию снаружи вовнутрь, на самый тонкий участок поля боя двух стихий… или трех, где третья с треском проиграла. Я старался делать энергию плотнее, гуще, чтобы она перестала быть просто светом и стала чемто, что можно бросить, ударить, удержать и поначалу ничего не происходило - я лишь чувствовал, как воля тает. Я отвлекался, замечал, затем усилием возвращался назад, в это время собранная энергия спешила растечься обратно. И вот, в какой-то момент я почувствовал, что собранный фокус моего внимания налился стабильностью, и даже если я слегка переводил внимание, он не распадался.

А потом началось.

Та самая инородная энергия, о которой говорил Кседльварр, зашевелилась внутри, будто проснулось чтото спящее и недовольное. Она не была моей - чужая, колючая, с острыми краями, внешняя пленка распалась, и она стала царапать изнутри, пытаясь вгрызться в меня, найти трещину в тонкой прослойке воли и уплотненной энергии, просочиться, пожрать. Я почувствовал это как внезапный холод, пробирающий до самой сердцевины, и следом - жар, будто в меня влили расплавленный металл. И это была «добрая» энергия богини. Хах.

«Как варево в котле», - вспомнились слова бога. И правда: энергия бурлила, кипела, сталкивалась с моей, создавая точки напряжения - и именно туда, в эти места, я должен был бросать всю свою плотность, удерживать внимание, не давая той вырваться.

Я сжимался в этих точках, превращая себя в узлы из чистой воли и энергии. С каждым разом это давалось тяжелее: казалось, что я не удерживаю, а буквально сплющиваю себя, выдавливая из себя все лишнее, чтобы оставить только стержень. Осталась только точка соприкосновения, и в какойто момент, когда я уже думал, что сейчас просто рассыплюсь на искры, чтото изменилось.

Энергия не исчезла - она не могла исчезнуть. Но она перестала быть чуждой. Кусок энергии богини смешался со мной, она стала частью моего потока, будто я наконецто нашел способ ее приручить. По ощущениям я точно прибавил половину своей «энергетической мощи», настолько та была концентрированной. Небольшая частица энергии богини, едва тридцатая часть, что была с одного края и закрывала собой узкий щуп эманаций некромантии - растворилась, став моей, и тут же в меня вонзилась отвратительная, едкая с привкусом тлена, страха, страданий, воя обреченных, гнилая энергия, проникшая из вместилища бессмертного.

Я чувствовал, как Кседльварр наблюдал, не вмешиваясь, но в его «взгляде» мелькнуло уже знакомое удовлетворение - не радость, а признание, что ученик наконецто сделал первый шаг вперед.

И все завертелось по новой, еще сложнее и тяжелее. Теперь фронтом битвы стал срез длинной капли, где внутри была сила лича, поверху обернутая мощью богини. Оно пыталось вырваться, расшириться и иногда я не выдерживал - она вспухала наростом, как шляпка у гриба. В наросте на мгновение терялась ее концентрация, размываясь и делалась слабее. Этим я и пользовался, уже зная, что нужно делать. Такие прорывы я быстро подъедал, не теряя концентрацию в основе. И вот, не известно, какое время спустя, я дошел до утолщения этой «капли». Энергия на стыках не просто забурлила - казалось, она уже кипела паром по всей поверхности. Пар был вполне «съедобен», но баланс нарушился и теперь уже три энергии сражались сразу, две из них выплескивались тонкими жгутами, похожими на живые щупальца. Каждый такой протуберанец тянулся наружу, пытаясь найти слабину, просочиться сквозь мою защиту, зацепиться за чтото внешнее и вырваться на свободу, рассечь меня. Но теперь я уже не метался, пытаясь удержать все сразу. Я ждал этих всплесков - и ловил их в момент, когда они становились уязвимыми. Я «подъедал» эти наросты, уплотняясь на местах, выдавливая их обратно, растворяя в себе, пока они не становились частью моего потока. Злость начала подкатывать к «горлу». Да когда это кончится! Я яростно бил, перековывал, залечивал прорывы.

С каждым таким циклом я чувствовал, как меняется сама структура моей энергии. Она становилась тяжелее, гуще. Привкус тлена и страха, который сначала резал сознание, постепенно растворялся, смешиваясь с моим собственным «я», становясь не врагом, а топливом. Даже вой обреченных, который раньше звенел в «ушах», теперь звучал не как проклятие, а как ритм – неровная музыка, которую я наконец научился слышать.

В самом начале моя энергия была легче воды - чтото вроде невесомого пара, едва цепляющегося за реальность. Сейчас же я ощущал себя как плотную эктоплазму, вязкую, как густой кисель: она уже не утекала сквозь пальцы воли, а держалась, сопротивлялась, но принимала форму.

И вот среди этого нарастающего давления, начали проклевываться совсем другие мысли – холодные и рациональные.

«Зачем вообще помогать старому богу? - шептал внутренний голос, и в нем не было сомнения, только сухая логика, от которой становилось не по себе. - Я сам. Я теперь могу. И зачем я вообще пошел за Каледом? Надо было уйти. Или вообще убить их, забрать их опыт, возможностей было много, я стал бы самым сильным из тех, кого я знал». Они цеплялись за гордость, за обиду, за право быть первым любой ценой. И чем плотнее становилась моя энергия, тем громче они звучали.

Я стиснул волю, пытаясь отогнать эти голоса, но они не исчезали - они оседали гдето глубоко, смешиваясь с эманациями некромантии, делая их еще гуще. И бес их возьми, они были правы!

Глава 2. То, о чем не говорят.

Я погружался в пучину беспамятства, становился тем, против чего когда-то сражался, сплетаясь в ужасающей гармонии с противоестественным.

Кседльварр, вдруг проявился, его присутствие стало почти физическим ударом.

- Хватит, - проявился его «голос», будто он ударил по всем этим мыслям разом, разбивая их на осколки. - Ты не должен принимать это, соберись!

Я будто на мгновение выплыл из тумана, и понял, что его вмешательство встряхнуло меня, пока я не утонул в собственной силе.

- Ты начал думать, как тот, кто питается смертью, - вибрировал его голос, от чего по моей энергетической оболочке пробежала дрожь. - Эти мысли - не твоя суть. Это окрас некромантии, который прилип к тебе, как смола. Его стало слишком много. Ты впитывал силу, но вместе с ней тянул и ее тень. А тень растет тем сильнее, чем меньше света, чем ниже солнце. Она хочет, чтобы ты поверил, что ты сильнее всех, что тебе никто не нужен, что единственный путь, самый легкий и простой - ломать и забирать.

Я хотел возразить, хотел сказать, что это просто мысли, что я их контролирую, но слова застряли. Потому что в глубине души я знал: они были слишком сладкими, слишком удобными, чтобы просто отмахнуться.

- Теперь твоя задача сейчас сбросить лишнее, - голос Кседльварра стал тише, но от этого только весомее. - Оставь себе только чистую энергию, ту, что делает тебя сильнее, и выгони наружу все остальное. Не принимай это. Пусть станет дымом, который развеется.

Он сделал паузу, давая мне время осознать, и добавил уже спокойнее:

- Всмотрись в энергию, глубже, сконцентрируйся, ты должен отделить одно от другого. Сейчас твоя энергия - как раскаленный металл, но в нем слишком много примесей. Их надо выжечь.

Я закрыл… то, что заменяло мне глаза, собрался с силами и попытался сделать то, что он говорил. Заглянуть глубже. Вместо того чтобы сжирать все подряд, я начал искать в своем потоке те участки, где энергия ощущалась сильно иначе - тяжелой не от силы, а от гнильцы, от чужой воли, от жажды разрушения. Я выделял их, и начинал выдавливать наружу, не позволяя им смешиваться с основным потоком.

Это было сложнее, чем удерживать силу. Это было похоже на то, как если бы я пытался вытолкнуть из себя часть самого себя - ту часть, которая уже успела прижиться, пустить корни. Каждый раз, когда я выдавливал очередной сгусток, в голове на мгновение вспыхивали те самые мысли и остаточные образы: «Убей. Забери. Будь сильнее всех, насладись страданиями поверженных». Но теперь я видел это не как свой голос, а как паразита, который пытался выжить любой ценой. Наконец, один особенно плотный комок поднялся к поверхности и вырвался наружу - как темная капля, она повисла в воздухе и медленно растеклась, растворяясь в тенях зала.

Когда она исчезла, в груди - там, где у меня теперь был центр энергии - стало чуть легче. Мысли о предательстве и насилии не пропали совсем, но теперь они звучали тише, дальше, будто отодвинулись на задний план.

Кседльварр кивнул, впервые за все время позволяя себе едва заметную тень удовлетворения.

- Хорошо, - произнес он. - Теперь ты умеешь отличать свое от чужого - а это первый шаг к настоящей силе. Но помни: этот яд может вернуться. Он будет искать любую трещину в твоей воле.

Я медленно выдохнул - хотя дышать мне было нечем - и снова сосредоточился на своей энергии. На мое удивление, «капля» силы внутри меня кончилась. Теперь я ощущал себя

иначе: не как кисель, в котором плавают комки тьмы, а как плотный, чистый поток, готовый принять любую форму.

- Что дальше? - спросил я, - излучая готовность.

Старый бог «посмотрел» на цилиндр, тускло мерцающий на полу.

- Дальше ты научишься не просто очищать, а направлять, - сказал он. - Сила без контроля - это безумие. Ты уже знаешь, как избавиться от лишнего. Теперь отдохни, собери волю, уплотнись еще раз, следом научись придавать форму и стабильность тому, что останется. Представь, что твоя энергия - это глина. Тебе нужно вылепить из нее твердую конструкцию, только волей. Попробуй.

Я кивнул.

Приступил, но для начала позволил себе короткую паузу, чтобы восстановить волю. Не имея ориентиров в виде солнца и процессов жизнедеятельности - счет времени терялся. В груди, там, где пульсировал центр моей энергии, теперь разливалось непривычное ощущение: более плотное и податливое.

«Сделать свою энергию стабильной», – я наблюдал, сейчас же она хаотично перетекала с место на место внутри «тела». Как вода в озере, холодная сталкивается с горячей, и перетекает с места на место, меняясь местами.

Появилась идея. Я начал уплотняться, но теперь не хаотично, а целенаправленно выстраивая слои. Сначала - основание, тяжелый, неподвижный стержень, который не сдвинет ни одно влияние. Потом - оболочку, плотную, но гибкую, способную держать форму при изменениях, не ломаясь. И, наконец - тонкий верхний слой, где должна была проявиться сама геометрия: форма тела, симметрия, руки, ноги – ее я запечатал тонкой пленкой воли, пытаясь поддерживать постоянство. Если я терял концентрацию – энергия спешила вернуться в свое естественное состояние. Я чувствовал, что надо еще нажать, сконцентрироваться, держать. Дождаться момента, как тогда перед первым «поеданием» энергии, фокус должен стать стабильным.

Когда я наконец закончил, в центре моего потока возникла четкая структура - энергетический слепок: устойчивый стержень.

- Неплохо, - голос Кседльварра прозвучал негромко, но в нем слышалось то самое, редкое для него одобрение. - Ты понял принцип. Форма - это не оболочка. Это порядок внутри хаоса. - А теперь нарушь ее.

Я на мгновение замер.

- Что?

- Нарушь форму, - повторил он спокойно, без снисхождения. - Сделай так, чтобы она начала рассыпаться, но не теряй контроль. Пусть каждый слой рушится по твоей воле, а не сам по себе. Это и есть управление: не только держать, но и отпускать, зная, что сможешь собрать снова.

Я смотрел на него, и в груди снова шевельнулось былое сомнение: «Зачем? Разве этого недостаточно?» Но теперь это сомнение я четко видел как чужую вещь, не себя, оно было просто мыслью – той, которую можно взять и рассмотреть, но теперь не властной надо мной. Я отвел его в сторону, как убирают мешающую ветку с дороги.

И начал.

Сначала я ослабил внешний слой - постепенно, позволяя ему терять плотность, становиться полупрозрачным, как утренний туман рассеиваться, сливаться со средним слоем. Потом перешел к среднему, заставляя его дробиться, и, наконец, добрался до стержня - самой прочной части. Здесь пришлось приложить усилие: он сопротивлялся, будто не хотел исчезать, цеплялся за мою волю, напоминая, что именно я его сделал, именно он держал все остальное. Так странно наблюдать, как часть меня наполнена своей же волей, но живет как бы отдельно.

Я позволил ему истончиться, стать нитью, а потом и вовсе раствориться в супе энергии, оставив после себя только слабый отзвук - как воспоминание о том, что было.

- Отлично, - кивнул Кседльварр. - Ты создал, и уничтожил по своей воле, а значит, способен управлять. Теперь собери снова, но постарайся быстрее.

Я не стал медлить, погружаясь в себя. На этот раз сборка пошла легче: я уже знал, в каком порядке должны ложиться слои, где нужно добавить плотности. Стержень встал на место первым, потом средний, гибкий слой, и внешний - то, что будет держать и по задумке отражать внешние воздействия. Конечно, это было очень далеко от детализации того тела, которое было у меня до смерти, но гомункул – то, во что я превратил свою энергетику - уже напоминал человека. Если накинуть плащ и встретится с кем-то в подворотне, то ему наверняка не удастся понять, что я – призрак.

- Хорошо, - произнес он, голос прозвучал чуть мягче, чем раньше. - Ты удержал. Теперь попробуй не просто держать, а направить. Попробуй сдвинуть цилиндр некромата не силой, и не рывком. Сделай так, чтобы он почувствовал, что ты здесь, и материя подчинилась.

Я открыл… то, что заменяло мне глаза, и снова сосредоточился. Я стал настолько плотным, что сам воздух между мной и цилиндром будто становился тверже, и эта твердость передавалась дальше, к металлу, заставляя его отзываться. Печать дернулась, прокатилась пару сантиметров. Если бы у меня был пот, то, наверное, он бы скатился по виску. Теперь энергия цилиндра не обжигала. Из объяснения старого бога я понял, что волшебники не зря рисуют руны, и произносят фразы, заставляющие энергию подчиниться и «смочь» воздействовать на физический план – это как будто строить мост, соединяющий два берега реки, которые никогда не пересекаются. Единственное, что есть везде – это воля, но он эфемерна, и осознанные манипуляции ей доступны только высшим существам. Какая-то часть воли есть и в смертных, но она им не по сути подчиняется, за редчайшим, выдающимся исключением. Раз за разом я повторял, внимая наставлениям. Несколько раз развоплощался и собирался вновь, доводя это до автоматизма, и к моему удивлению, уменьшился в размере еще, уплотняясь в соответствии со своим пониманием уровня владения волей. Сравнивая себя с цилиндром в размерах, то я, похоже, был сейчас не выше полуруслика. Наконец-то я смог обхватить цилиндр и даже переместил его ближе к алтарю на расстояние не больше шага, но впереди было еще более сложное испытание – поднять в воздух, пересилить силу притяжения. Половину высоты до алтаря я, казалось, осваивал целую вечность. Не хватает, пронеслось в голове и повинуясь какому-то бесшабашному наитию или от усталости и безысходности я потянулся волей через металл – туда, где был собран океан хаотичной энергии.

Это было похоже на глоток, который успел сделать наполовину, а воды во рту оставалось еще слишком много. Отдаленно я услышал окрик от старого бога, «Нет! Не смей!», но было уже поздно. Я хапнул слишком много. Дрожь от ужаса всех тех ощущений, которые жертвы испытывали на алтаре пробила всю мою структуру, разрушая концентрацию, но воля, содержащаяся в стержне устояла, давая возможность провести следующий раунд. Я бился яростно, выжигая в себе все зачатки воли лича, переданные с энергией, ведь именно воля в прошлый раз в еще живом теле смогла захватить почти треть энергетики. Физическое тело – очень плохой проводник для тонких проявлений, но вот энергетическое тело – прекрасный. Так что и количество, которое в меня влилось, превышало первый раз в десятки, если не сотню раз. Наконец, в каком-то сумасшедшем полубреду я смог все-таки разорвать контакт с цилиндром. Много позже по ощущениям я понял, что хапнул около десятой части того, что в нем содержалось. Ужасно много для смертного существа – летальная доза. Но это уже было всего лишь чуть больше половины того, что содержалось во мне. Кстати, энергия богини оказалась намного более «питательной», и более безвредной, в ней было куда меньше примесей. Наконец, избавившись от лишнего, я «выдохнул».

- Ты выжил, - произнес он тихо, но так, как будто был удивлен. - Для смертного это… невозможно. Даже для высшего существа это было бы испытанием. А ты сделал это вслепую, на одной воле.

Я хотел чтото сказать, объяснить, что это вышло случайно, но вместо слов я просто кивнул, стараясь не показать, как сильно меня трясет изнутри.

- Не пытайся прятать дрожь, - сухо добавил Кседльварр. – В этом нет смысла, тут нет никого.

Он помолчал, оглядывая меня так, словно видел не только мою энергетическую структуру, но и нечто еще.

- Ты понял главное: физическое тело - плохой проводник для тонких сил. Оно гасит, искажает, ломает поток. Но твое нынешнее состояние - это и преимущество, и недостаток. Ты можешь принять гораздо больше, чем любой смертный, как проводник эфира. Но именно поэтому каждый лишний глоток может стать последним. Сегодня ты чудом не сгорел.

Я наконец смог выдавить из себя слово:

- Я не хотел…

- Я знаю, - перебил он, уже не с жесткостью, а с усталой прямотой. - Но больше так не делай. Не тянись к океану энергии, не имея якоря. Ты едва не стал его частью - а значит, перестал бы быть собой. Теперь, давай сделаем дело.

***

Цилиндр с глухим, почти торжественным стуком встал на алтарь. Едва он занял свое положение, по камню пробежала тонкая вязь светящихся линий, и воздух вокруг загустел.

И в тот же миг мне все стало ясно. Не через слова, не через объяснения - через саму структуру силы, которая теперь текла сквозь меня. Я почувствовал, как нити энергии, тянущиеся от алтаря, влились в печать, и дальше, попытались оплести меня и внедриться в мою структуру. Ощущение холодного пота пробило меня от макушки до пят. Это была ловушка – изящная и выверенная до мелочей.

Кседльварр ощущался неподвижно, но в его облике чтото неуловимо изменилось. Холодная отстраненность мастера уступила место напряженной сосредоточенности хищника, который наконецто загнал добычу в угол.

- Ничего личного, - проговорил он, и эти слова прозвучали как холодная констатация правил игры, в которую он играл с ребенком. - У алтаря должен быть хозяин. А я слишком долго был пленником этого места. Ты оказался достаточно сильным, чтобы удержать эту силу, и достаточно наивным, чтобы сделать это добровольно. Возможно, позже я даже подыскал бы тебе замену. Но сначала ты должен стать якорем, удерживающим этот узел реальности. Нам не нужны тут лишние глаза, все должно быть так, как было тысячи лет до этого мига.

Я не отвечал. Слова тут были уже не нужны, в бою для меня никогда не было места разговорам. Чистая злость, как продолжение моей воли, затопила меня. Это происходило – опять кто-то могущественный использует меня для своих целей! Все, что мне требовалось, я уже понял - и не из его речей, а из того, как энергия алтаря кроила меня изнутри, тянулась к центру, пыталась сделать частью механизма, который будет работать вечно.

Началась борьба. Я стал бороться - самой сутью моего существования. Я отбивался, инстинктивно выстраивая защиту, и самым действенным оказалось представить, что вся моя поверхность - это зеркало. Гладкое, безупречное, отражающее каждый поток энергии, каждую попытку проникнуть глубже, обратно туда, откуда они пришли.

Потоки били в меня, искали трещину, щель, хоть малейшую неровность. Но я удерживал форму, не давая им дополнительно зацепиться. С каждым отраженным ударом зеркало становилось чуть тоньше, чуть прозрачнее - я чувствовал, как моя собственная воля начинает проседать под этим напором. Потом изредка, один за одним но начали проскальзывать нити. Предыдущие «вторжения» я уже растворил в момент этой передышки, но их становилось раз за разом больше, я проигрывал, бесповоротно. Казалось, выхода не оставалось: бог в алтаре был старше, сильнее, он знал каждую лазейку в этой структуре реальности, он был дома. А я был всего лишь смертным, пусть и переступившим порог привычного существования. Если

бы не ограничения в виде физического «моста», он бы сожрал меня за секунду. Я пробовал скинуть цилиндр, но будто прилип к нему, не в силах сместиться там ни на миллиметр.

И тогда в памяти вспыхнул образ - деревянный венок богини, тонкий, почти невесомый, проводник силы, оплетенный энергией старого бога. Я вспомнил главное: энергия без воли - ничто. Она текла, бурлила, пыталась подчинить, но оставалась слепой, если не было того, кто направлял ее. И сейчас старый бог был занят другим.

Волевое усилие и мое энергетическое тело изменилось, я превратил его в тонкий, острый щуп, собрав на острие все остатки воли – из тела, из оболочки, которые не были размазаны по защите – я сжал его до предела, как острие клинка. И ударил.

Не по алтарю и не по цилиндру, ведь я прекрасно осознавал, что физическое проявление в этом мире я пока как-то повредить или тем более уничтожить - не способен. Я вбил острие в саму структуру привязки, туда, где в узоре сил мерцал символ Милоны - знак богини, проводник ее воли, которого старый бог боялся тут больше всего.

Щуп пробил защиту, с первого раза, и на мгновение я почувствовал связь - с той самой колкой, «питательной» энергией, которая когдато спасла меня. Она отозвалась, будто ждала этого прикосновения.

Пространство вокруг дрогнуло. Реальность замедлилась - будто ктото потянул за невидимую нить, и время растянулось в звенящую паузу. Свет внутри меня замер, а давление от алтаря почти исчезло. Осталась только тишина и мысль, которая текла быстрее света.

И в этой тишине, прямо в центре моего внимания, я ощутил шелест слов:

- Приветствую тебя, - донеслась вибрация, и в этом голосе слышался и шорох молодой листвы, звон ручьев, весенняя перекличка птиц, и даже тихий скрип коры. - Вижу, у тебя появились сложности.

- Милона… - прошептал я, и слово прозвучало не голосом, а чистой мыслью, переданной по этой тонкой нити контакта.

- Да, - ее присутствие становилось плотнее, не вытесняя меня, а словно обнимая со всех сторон живой, теплой энергией, в которой не было ни давления, ни угрозы. - Я следила за тобой. Твоя воля оказалась крепче, чем я ожидала. И хитрее, чем хотелось бы старому воителю. - Ее присутствие становилось плотнее, словно обнимая со всех сторон.

Перед внутренним взором вспыхнул образ: не лицо, не фигура, а ощущение - зеленые кроны, пробивающиеся сквозь камень, корни, что сплетают землю в единый узор, и дыхание ветра, которое знает каждый листок.

- Он хочет запереть меня здесь, на своем алтаре, - мысленно ответил я.

- Знаю, Кседльварр привык брать все силой, а не ждать. Жизнь в забвении никому не по нраву… Но ничего не бывает даром, - прошелестела Милона, и в ее голосе впервые прозвучала твердость, спрятанная в мягкости травы. - Я помогу тебе разорвать эту связь, но взамен попрошу три услуги. Не сейчас, а когда придет время. И ты не сможешь отказаться.

Внутри шевельнулось былое упрямство: «А если я не хочу?» - но оно тут же увяло. Я понимал: перед лицом такой силы торг был невозможен. Можно было только принять условия или сгореть в попытке устоять.

- Я согласен, - произнес я мысленно, и эти слова тут же отозвались в самой глубине клеймом, клятвой, высеченной во мне. Я уловил что-то еще, там, где налилась и погасла эта печать, но не смог разобрать, что это конкретно было.

По моей структуре пробежала легкая волна - будто приглашающая: «Доверься». И я доверился. На мгновение я стал каналом, через который ее энергия смогла дотянуться до той самой структуры привязки, которую Кседльварр так старательно выстроил.

Милона не ответила. Вместо этого я почувствовал, как ее воля мягко, но неумолимо вплетается в мою структуру, находя тот самый узел, где сплелись эманации Кседльварра, энер-

гия лича - остатки печати и я сам. Ее прикосновение было точным движением садовника, который обрезает сухие ветви, чтобы дерево могло расти дальше.

Пространство дернулось, и реальность, наконец, сорвалась с паузы. Цилиндр на алтаре почти небрежно слетел с места, будто его смахнули невидимой рукой, и с глухим стуком откатился в сторону, теряя свое сияние. Контакт с алтарем оборвался в одно мгновение.

«Не оставляй тут печать», - донеслись до меня ее последние слова, как отзвук в журчании ручья.

Старый бог сжался в алтарь, его энергия, защищающая пещеру - исчезла, его замысел рассыпался, столкнувшись с волей, которая была сильнее его собственного искусства.

- Ты позвал ее, - произнес он тихо, и в этих словах я не почувствовал обвинения, а только констатацию факта, с которым ему приходилось считаться, и вселенская досада. – Дорого заплатил?

- Я не звал, - ответил я, все еще удерживая форму, не позволяя себе расслабиться ни на миг. - Она сама пришла. – На второй вопрос я отвечать не хотел, не тогда когда доверился, когда почувствовал опору, нашел учителя и был тут же предан.

Кседльварр медленно «кивнул», и в этом движении было признание: он понимал меня, и он же не мог противиться ни своей природе, ни «живой» богине.

- Что ж, - его голос звучал как предупреждение. - Помни: боги берут не золотом и не кровью. Они берут временем и выбором. И эти услуги могут быть дороже любой свободы.

В это место, ставшее моим укрытием на одним богам известно какой срок, ворвалась внешняя энергия физического мира, ведь старый бог больше не защищал эту пещеру. Она пыталась воздействовать, растворить, уравновесить, выровнять все возмущения. А я стоял, чувствуя, как чужая тяжесть уходит, сменяясь легкой свежестью, похожей на утренний ветер. Теперь я понял – это была почти пустота, с примесями энергии тех существ и вещей, что обитали здесь, и в ней всего лишь надо было просто не раствориться. Все хорошо закончилось, и только одно омрачало меня сейчас, осаждаясь холодным пониманием на самой сути - я только что заключил сделку, последствия и тяжесть которой мне были совершенно неизвестны.

Глава 3. Новый старый мир.

Я медленно, почти благоговейно осмотрел цилиндр, откатившийся в сторону. Он больше не пульсировал угрожающей силой - теперь в нем навскидку теплилось едва ли двадцать процентов той мощи, что было изначально. Остальное старый бог успел либо «выпить» сам, либо влить в свое заклинание - в структуру привязки, которую «я» только что разорвал.

Выбора не было. Отринув в сторону страдания, я, не спеша, не поддаваясь жадности приблизился и начал осваивать эти оставшиеся крохи. Где, как не здесь, отличное, закрытое ото всех место. В любом случае, не поддайся я тогда порыву и не забери большой кусок мощи из цилиндра - сил сопротивляться переносу в алтарь мне бы точно не хватило. Теперь я действовал не вслепую, а с холодной сосредоточенностью разбирал этот сложный механизм, чтобы понять, как он устроен. Легкими касаниями каждый процент энергии я пропускал через себя осторожно, не давая ей время осесть, внимательно осматривая и отсеивая лишнее.

И в последней двадцатой части, когда, казалось, уже нечего было брать, я почувствовал его - отголосок воли лича. Оказывается, они были везде - и в тех эманациях, что я выкидывал из себя, которые растворялись в тишине мира. Тонкие, как паутина, липкие, как смола, и раньше я бездарно выпускал их, сам не понимая, что теряю. Теперь же я пытался создать фильтр – новое состояние воли. Я научился представлять свое намерение как сито из чистой, острой воли: сквозь него проходила грязная энергия, та, что ранее не растворялась в моей. Тяжелые, гнилостные эманации, пропитанные чужой сильной волей, они оседали на «ячейках» этого сита, и я не позволял им ни просочиться глубже, ни уйти в мир. Вместо этого я сжимал их, пережигал, подчинял, вытягивая самую тонкую, самую ценную часть силы – чистые нити воли. Лич сопротивлялся. Его сила, даже в этих остатках, пыталась найти лазейку, шептала, царапалась, искала слабину. Но теперь я знал, где она может появиться, и держал эти места намертво. С каждым поглощенным куском я чувствовал, как моя собственная воля становится сложнее, многограннее - будто в меня вплетались новые нити, делая «ткань воздействия» прочнее.

Когда последний отголосок был переработан, я на мгновение замер, прислушиваясь к себе. Внутри не было прежней бури - только ровный, тяжелый поток, в котором теперь чувствовалась не только моя воля, но и дополнительная, укрощенная сила лича, ставшая частью меня.

Теперь пришло время вернуть себе привычный облик. Перестройка организма к внешнему виду давалась непросто: слишком много деталей. Я их видел изнутри, но выпустив более тонкие эманации вокруг, смог осмотреть себя и снаружи. Энергетическое тело начинало «уплотняться», и постепенно из обезличенного болванчика, почти бесплотной субстанции я снова стал чемто, что можно назвать телом. Оно обрело вес, не за счет материи, а за счет воли - кожа, глаза, и другие части тела.

Пора было двигаться дальше, но когда я попытался пройти сквозь камень горы, как делал раньше, ничего не вышло - материя больше не пропускала меня, словно теперь мы были на одной «волне».

- Хитрость в том, что материя может вибрировать на разной частоте, а ты максимально уплотнился, уподобился камню, - вдруг прозвучал в тишине голос Кседльварра, спокойный, будто и не было всего того, что произошло ранее. - Чтобы пройти сквозь нее, нужно не сломать преграду, а подстроиться под ее ритм. Сместить свою вибрацию так, чтобы она совпала с промежутками между частицами. Это тонкая работа. Не пытайся пробиться силой - найди щель в ритме. Откажись от жесткого контроля в пользу резонанса.

Я прислушался к камню, к его мерному, глухому, тяжелому гулу энергии, к его плотности. И начал подстраиваться - постепенно, выравнивая свою внутреннюю вибрацию, находя тот

самый зазор, где камень становился почти прозрачным для меня. Наконец, я шагнул вперед - и на этот раз он расступился, пропуская меня, как вода пропускает рыбу.

Перед тем как окончательно покинуть пещеру, я остановился и обернулся - теперь Кседльварр казался просто старым, уставшим богом, запертым в своем алтаре.

- Может быть, если представится случай, я поищу тебе замену, - мои слова прозвучали не как обещание, - но только теми, кто согласится на это добровольно.

Кседльварр не ответил вслух. Но в воздухе между нами на мгновение стало чуть легче, будто с его плеч упала невидимая тяжесть. И я почувствовал это легкое, едва уловимое «спасибо» - не сказанное, но переданный импульс, который я понял без слов.

Еще раз оглядев пещеру - мое невольное укрытие и неудавшаяся тюрьма, - я шагнул за порог. Впереди ждал путь, и теперь необходимо было решить, какие дела заканчивать, а какие и вовсе можно и даже нужно отбросить. А вместе с тем, разрешить и те три услуги, которые я пообещал Милоне. И сейчас я точно не был к этому готов.

***

Внешний мир встретил меня жизнью - не просто шумом и движением, а целой симфонией энергий и звуков, сплетенных в единый, прекрасный хор. Над головой плыли облака, подсвеченные косыми лучами солнца, внизу, у подножия, шелестели кроны деревьев, а ветер нес запахи сырой земли, нагретого камня и свежей травы. Отвесные стены обрыва вздымались вверх шагов на пятьсот и уходили вниз на столько же, и тут явно не ступала нога путника.

Я стоял на краю, внимая этот красивый мир. Энергия физического плана больше не казалась враждебной: она была просто другой, чуждой по ритму, но теперь я знал, как с ней обращаться.

Вокруг все дышало силой. Легкие зеленоватые потоки струились над деревьями, разноцветная дымка вилась вокруг всего живого, а от камней и земли шли совсем неуловимые колебания - будто дрожащий воздух в ясный день. Редкие птицы и мелкие звери «светились» чуть ярче, как крошечные искры, затерявшиеся среди листвы и травы. Но физические проявления на этом плане все-таки главенствовали – через них, если отделиться стеной было ничего не видно. Мой обзор обрывался там, где стена леса или гряда камней отгораживали взор, так что мой обзор не претерпел изменений, хоть и улучшился качественно по сравнению с телом. Темновиденье и обнаружение потоков энергии – другими словами магии теперь у меня «в крови».

По ощущениям стояла середина лета - наполненная жизнью пора, хотя здесь, в горах далеко на севере, жизнь была не настолько богата. Значит, с моей смерти прошло минимум полгода, а может, и больше. Время в пещере текло иначе, сейчас я четко ощутил, что мир не ждал моего возвращения.

Ум тут же подсказал практичную мысль: одежда. Мне ведь придется взаимодействовать с существами, а без одежды такое взаимодействие едва ли будет уместным. Я попробовал сотворить привычные штаны и рубаху, но быстро понял, что слишком много подвижных элементов забирают непропорционально много воли на поддержание правдоподобности. Ткань должна была лежать складками, двигаться, реагировать на ветер - и все это требовало постоянной, изматывающей концентрации, ведь внешние воздействия практически не действовали на меня. Я ступал по траве и земле – но она не проминалась, тело охватывало мелкие предметы и не оказывало на них воздействия. Для таких манипуляций требовались силы на поддержание каждого такого эффекта. Я развеял тупиковую попытку. Может позже, я подумаю над этим, почему ветер не действует, а свет явно меня проявляет. Хотя, может и не проявляет, это надо еще проверить, возможно, это я вижу себя и другие энергетические сущности, а другие существа не будут. Возможно, я делаю что-то не так. Я ровным счетом пока не понимал ничего из реальных проявлений тонкого мира.

Сосредоточившись еще раз, я перераспределил энергию вокруг тела, «призвав» заготовку под обычный бесформенный балахон с капюшоном – он был проще в освоении, наверное,

самый простой, что можно придумать. Он лег сверху, буквально как вторая кожа, тяжелый и в то же время невесомый, скрывая очертания и оставляя простор. Обычный, темного цвета, как из грубой ткани. Балахон устроился на мне, и я постоял, привыкая к новым ощущениям.

Похожу без обуви, - решив, произнес я, и вдруг, понял, что звук не вырвался из моего рта, я по привычке, как общался со старым богом, сказал это «про себя». Такое общение возможно между энергетическими сущностями, но точно не подойдет для общения с существами физического мира. Накинул поводок воли, буквально впечатав в пространство намерение, произнес. - Буду играть роль магаотшельника, – звук все-таки разнесся, но искаженно, вибрирующе, и слишком громко. У меня теперь иное восприятие, и к этому надо привыкнуть, откалибровать. Пришлось потратить время и на это. Как же много сложностей…. И тут заметил еще неприятную деталь: моя энергия утекала сквозь тонкую пленку воли, растворяясь в пространстве, будто вода сквозь решето. Сгустил оболочку воли - утечка прекратилась, но я тут же уперся в потолок ее восстановления - она стала истончаться с каждым мгновением, как затухающее пламя.

Что ж, опять нужен был баланс: такой, чтобы воля успевала восстанавливаться естественным путем, а энергия утекала не слишком быстро. Я поэкспериментировал, пробуя разную силу, плотности и толщину защитной оболочки, и, наконец, нашел золотую середину. Формула сложилась следующей: по ощущениям, две трети моей воли теперь уходили на поддержание формы тела, еще примерно десятая часть - на дополнительную одежду, эффекты от ее проявления. В свободном остатке оставалась только четверть - и этого должно было хватать на защиту, атаку и прочие действия, которые мне еще только предстояло опробовать в своей новой ипостаси.

Гдето впереди ждала жизнь - и, возможно, новые испытания. Наконец я был готов. По крайней мере, настолько, насколько можно быть готовым к такому.

С высоты местность казалась смутно знакомой - будто мир нарочно вернул меня туда, где все начиналось, лишь слегка сдвинув точку отсчета. Я был чуть севернее, может, на пару дневных переходов от замка Кседльварр - того самого, откуда когдато уходил, полный надежд и незнания, каким станет мой путь. Впрочем, в логике этого мира не было ничего удивительного: замок не мог находиться гдето далеко – сам старый бог был узлом потоков силы, и выполнял свою роль, имея какое-то влияние в замке за счет выпускных испытаний. Интересно, это за счет них он подпитывался, накапливая энергию? Наверняка старый лис этим промышлял.

А запрятали его хорошо. Даже слишком. Я вспомнил, сколько шагов пришлось пробираться сквозь толщу камня - не меньше сорока. Стоя на краю обрыва, я ощущал на пределе восприятия тонкую, едва заметную яркую точку на горизонте - она совпадала с привязкой местности, и в ней угадывались очертания замка.

Я сделал шаг в пустоту - вниз, со скалы, к вытянутой вдаль, как язык, каменистой пустоши. Усилием воли сделал тело более невесомым, и оно послушно поплыло вниз, словно лист, подхваченный ветром. Падение не пугало: я чувствовал, как потоки воздуха обтекают меня, и как энергия земли тянет к себе.

Пока я размышлял, куда направиться дальше - взгляд зацепился за странность. Над грудой камней, возвышавшейся больше чем на человеческий рост, вился мелкий дух - неоформившийся, похожий на шарообразный сгусток серого света. А изпод камней, прямо из самой земли, бил небольшой фонтанчик той же серой энергии, будто тихий пульс самой земли.

Я поднес к нему руку и ощутил очень слабый, буквально невесомый приток энергии - такой, что его едва хватало, чтобы заметить. «И так бывает», - пронеслось в мыслях. Значит, духи действительно могли зарождаться от природных источников энергии. Но почему этот не распался? Хватало ли притока, чтобы поддерживать форму, или тут скрывалась какаято иная тайна?

Я долго смотрел и на источник, и на духа, пытаясь уловить скрытый ритм, но так и не пришел ни к какому выводу. От духа не веяло опасностью, не чувствовалось за ним и присутствия чьейто серьезной воли - только тихая сосредоточенность на том, чтобы просто быть. Приняв решение, я подтянул его к себе жгутами воли, аккуратно втянул внутрь. Через полминуты все закончилось: дух стал частью меня, а тело получило едва ощутимую, но приятную подпитку. По моим ощущениям, меряя ее по оттоку энергии, этой подпитки хватит дня на три. Не густо, но и не пусто. Значит, здесь можно было прожить, если не гнаться за силой, а просто держаться на плаву.

Немного попитавшись энергией от фонтанчика и сравнив ее объем с тем, что успел накопить дух, я прикинул: он зарождался здесь примерно полгода, пока я его не поглотил. Не мог он сформироваться просто так, - подумал я, оглядываясь по сторонам. - Энергия должна была растечься по пространству, раствориться в нем, как капля воды впитывается в землю. А она собралась. Значит, тут есть чтото еще. Загадка осталась нерешенной, и от этого мир казался даже интереснее, притягательней. Но источник был слишком мал, чтобы задерживаться, и я двинулся дальше.

Путь я выбрал правее, чуть в сторону от замка - туда, где, по моим прикидкам, должна была проходить дорога к первому поселку. Кажется, он назывался Озерный Дол, а может, Водный - в памяти путались эти однотипные названия. В любом случае, там, как я помнил, стояли на страже пара неприятных типов, обирающих путников. Но прежде чем выходить к разумным существам, нужно было укрепить свою легенду.

Лучшей, с моей точки зрения, не существовало: странствующий колдун, выпускник школы Кседльварра лет пятьдесят назад - срок достаточный, чтобы никто уже не помнил лица, но еще не настолько далекий, чтобы история звучала неправдоподобно. Вспомнив татуировку мага, которую когдато показывал мне барон Калед, я начал формировать такой же знак у себя на руке. Выпускники могли сами выбирать, где ее ставить, и обычно выбирали на видном месте.

Почти закончив, я вдруг ощутил, как в центр меня, туда, где примерно осела печать богини, потянулась тонкая нить - будто ктото невидимый попытался привязать меня к чемуто, чего я не знал. Жуткое чувство, словно меня опять клеймят, и ощущение чужого спокойного взгляда со стороны скалы резко отрезвили. Это был не просто знак - это была привязка к чужой воле. Еще один пункт опустился в копилку с открытиями. Видимо Мир помнил подобные метки и реагировал – за использование неизученных, можно было здорово поплатиться. Это было как будто бы я попытался прикрепить к себе ярлык, а у того уже был прописан хозяин.

Усилием воли я стер не успевший завершиться ритуал вместе с татуировкой. Выдохнул. В следующий раз надо быть аккуратнее. Здесь нельзя было ничего делать вслепую: каждый знак, каждая форма могли нести в себе смысл. Этот Мир ничего не забывал.

Оглядевшись еще раз, я шагнул вперед. Легенда пока оставалась незавершенной, но время придумать остальное еще было.

Я шел, заново учась быть в этом мире - как ребенок, который только познает свое маленькое тело. Сначала - переступать ногами, чувствовать, как каждый шаг отзывается в земле. Потом - издавать звуки, не вымучивая их: голос, шорох одежды, которую я старательно заставлял колыхаться от ветра, даже если ветер был тих. И еще вдох, и выдох – пустые и не нужные моему телу, но такие важные для того, чтобы казаться живым.

Хорошо хоть лысина не требовала от меня еще и концентрации на волосах, их не стал делать совсем - это маленькая идея теперь почти радовала. Некоторые звуки, к счастью, рождались сами: шаги по гравию, случайный стук камешка - все это складывалось в привычную мелодию дороги, и не была иллюзией, мне не приходилось тратить лишнюю волю, чтобы ее поддерживать.

Медленное передвижение без явной цели действовало удивительно успокаивающе. Тут не было спешки, не было чужой воли, не было даже четкой цели - только я и дорога, и каждый миг, который я проживал заново. По сути, я наконецто был предоставлен самому себе. И в этой свободе было чтото почти забытое - покой.

Вечерело. Над каменной долиной медленно собирались тучи. Я шел, сосредоточившись на самых простых вещах: на ходьбе, на дыхании, на том, как язык складывает звуки в слова, если вдруг захочется чтото сказать. Казалось, я задействовал всю свою волю до остатка, чтобы просто быть здесь, в этом теле, в этом мгновении. Я изучал - реальность совсем сузилась до простых ощущений: тяжесть шага, прохлада ветра, скрип камней. И в этом сосредоточении я не сразу заметил, как чуть в стороне, передо мной, вдруг зашевелилась груда камня.

Она «вздохнула» - тяжело, с глухим скрежетом, будто сама земля выталкивала из себя инородное тело. Камень медленно собирался во чтото гуманоидное, складываясь в очертания огромной фигуры. Но я видел: тело существа было пронизано серой энергией - той самой, которую я недавно поглотил у мелкого духа. Только здесь она была плотнее, структурированнее. Она оплетала булыжники, словно живые сухожилия, соединяя их.

И все же я явственно чувствовал: этот конструкт не был по-настоящему опасен для меня. Он был примитивен, лишен тонкой воли, и его сила могла навредить лишь тому, у кого есть хрупкое физическое тело. Для меня же он был скорее любопытной вещью, чем угрозой.

Я позволил этой груде подняться, сделать пару тяжелых шагов, от которых земля вздрагивала под ногами.

- Привет! – Произнес я. Неуклюжий но быстрый замах, удар огромной лапой, накрывший всю верхнюю часть моего тела, - и я отлетел на десяток шагов, прокатившись по гравию.

«Хах!» - мысленно усмехнулся я, пока тело кувыркалось. Это было не то, чего я ожидал. Силовой каркас воли прилично промялся, энергетическая структура деформировалась. Да, это можно было назвать повреждениями, но «лечились» они просто: привычной, уже много раз отработанной работой воли. Только теперь я не собирал себя с нуля, а лежа, не двигаясь с места, аккуратно выправлял то, что было нарушено. Пока я размышлял и исправлял эти мелкие разломы, каменный гигант подошел и без затей пнул меня в бок. Снова полет, снова приземление, гравий, царапающий тонкую пленку воли, которая тут же затягивалась.

Ну нет, - подумал я, поднимаясь. - С этим пора заканчивать.

Каменный великан шагнул ближе, тяжелый и неповоротливый. В ответ я изменил форму, растекаясь вокруг него, облепляя его всем своим телом, проникая в самую структуру его энергии. Я начал растворять центр и те самые «сухожилия» из серой силы, что держали камни вместе.

Минута - и первые булыжники начали отваливаться, падая с глухим стуком. Камень бесновался, дергался, пытался даже кататься по земле, но был обречен. Без моего желания быть твердым, физическим, он ничего не мог мне сделать - его сила не стоила ничего.

Через две минуты все закончилось. Он рассыпался грудой тяжелых булыжников, серая энергия, еще недавно насыщенная волей мира, влилась в меня, насыщая и укрепляя, добавляя веса моей собственной силе. По ощущениям, этот источник был раз в пятнадцать питательнее того мелкого духа, которого я поглотил раньше.

Последствия «ранений» оказались смешными: всего лишь пара часов отдыха, чтобы воля восстановилась даже без учета того, что я получил с него. А с учетом полученного – энергии во мне теперь стало больше, ведь я ее не тратил, а значит, воля укрепится, ее станет еще больше, а истраченное на восстановление тела - вернется. Хороший курс. Очень выгодный.

«Может, стоит задержаться здесь?» - мелькнула мысль. Вокруг еще могли прятаться такие источники силы, тихие, неприметные, ждущие того, кто сумеет их взять.

Но я тут же отогнал эту идею. Оставаться на одном месте – не вариант. Надо двигаться, получать новый опыт, ведь чем дальше я иду, тем больше нюансов возникает. А мне еще надо постигнуть хотя бы азы магии, или сделать так, что бы она была похожа на настоящую, привычную всем. Поднявшись, я отряхнул рясу - больше для вида, по привычке, чем по необходимости - и снова шагнул вперед.

Тучи над головой все сильнее сгущались. Налетел холодный ветер, грянул в отдалении гром и пошел дождь - тяжелые, холодные капли рванулись вниз. Я подставил лицо, раскинул руки, словно хотел обнять эту непогоду, но почти ничего не почувствовал. Только отчетливо уловил осознание: материя проходила сквозь меня, не оставляя следа, как свет сквозь прозрачное стекло.

Балахон, который я так старательно создал, теперь казался смешной поделкой: он «протекал», позволяя дождю свободно скользить сквозь ткань, сквозь меня самого. Это было нелепо и досадливо - словно я носил не одежду, а воспоминание о ней. Интересно получается – великан мог на меня воздействовать, а простая стихия уже не может. Скорее всего, дело и в количестве энергии, которой наполнен воздействующий элемент. Голем бил структурированной силой, в нем была воля, пусть и примитивная. А дождь - просто стихия, в нем нет намерения.

Я попробовал решить проблему привычным способом: максимально уплотнил энергетику, закрепил ее волей, добившись эффекта, когда вода отскакивает от ткани, как от полированного камня. Но затраты воли опять оказались слишком велики.

Промучившись так некоторое время, я замер под дождем, задумавшись. И вдруг в памяти вспыхнуло ощущение - то самое, спасшее меня, с которым я когдато представлял себя зеркалом, отражающим потоки энергии. Только теперь надо было перенести эту идею в иную плоскость.

Я представил, что тонкая пленка воли снаружи - это зеркало, но без видимых проявлений: не блестящее, не отражающее свет, а просто не пропускающее то, что ему не положено. Оно не отталкивало воду силой, а как бы «не замечало» ее, не пропуская, а перенаправляя каждую каплю по касательной, не тратя на это лишней энергии.

И это на удивление сработало.

Теперь моя одежда наконецто обрела свойства настоящей: ветер перестал продувать насквозь, дождь больше не пролетал сквозь ткань, а стекал по ней, собираясь в струйки и срываясь вниз тяжелыми каплями. Одежда потемнела от влаги, стала плотнее на вид, будто обрела вес. Это была маленькая победа, но она почемуто особенно радовала.

Дождь шумел вокруг, стекал с капюшона, капли барабанили по ткани, выдавая мерный тихий стук. Улыбнувшись своим мыслям, я поправил мокрый капюшон и двинулся дальше. Дорога ждала, а дождь, кажется, только начинал.

Глава 4. Тропа колдуна.

На третьи сутки пути, после того, как я покинул пещеру старого бога, двигаясь через лес, я наконец-то вышел до тракта, соединяющего замок с первым поселением. Полузаросший, но еще не заброшенный, он выскочил внезапно. Я поправил одежды и попытался втянуть запахи, но в очередной раз потерпел неудачу, пока не понимая, как их прочувствовать.

По ощущениям я находился ближе к поселку, чем к замку, но четкие воспоминания о дороге почти стерлись, размытые течением времени. Я мог ошибаться - и эта неуверенность странным образом не тревожила меня вовсе.

Прошлой ночью, когда лес затих и даже ветер перестал теребить листву, я начал тренироваться выдавать себя за колдуна. Ирония была в том, что об искусстве магии я не знал почти ничего. Лишь обрывки: рассказы словоохотливого мага-игрока Тавискарона, которыми он сыпал без разбору, и случайные наблюдения во время путешествий с бароном. Я видел, как творятся заклинания, замечал жесты, слышал слова - но не понимал процессов, скрытых внутри. Не знал, почему одно плетение ложится ровно, а другое рассыпается. Не понимал деталей, не чувствовал тех невидимых нитей, чем маги связывают энергию с реальностью. Но я точно знал, что заклинания - это способ придать этой сырой энергии форму. Контроль над потоками энергии через слова, жесты, символы – своего рода костыли, так как воли у смертных крайне мало, в виду слабо развитой энергетики.

А я мог колдовать без всего этого. Это было естественно, как дышать - только не легкими, а самой сутью. Магия не была для меня наукой, она была, по сути, мной, и я начал осторожно формировать свой арсенал.

Я уже умел левитировать, инстинктивно - не парить, как птица, а именно зависать, удерживая себя в воздухе усилием воли, как тогда, прыгнув первый раз со скалы. А также я примерно представлял градацию мощи заклятий слабых магов: мое умение было где-то на уровне первого – второго круга. Мало, чтобы впечатлить настоящего сильного волшебника, но достаточно, чтобы обмануть случайного путника.

Теперь предстояло самое сложное: не просто творить магию, а делать это так, чтобы не привлекать лишнего внимания. Я опять поправил полы одежды, свыкаясь с ней, и шагнул на тракт.

С самого моего появления в этом мире меня преследовали странные стечения обстоятельств – по итогу они загнали меня в угол, из которого, казалось, не было выхода. Теперь же я твердо решил не подставляться снова, не быть на виду, не становиться мишенью для чужих замыслов. Пусть лучше меня примут за случайного попутчика, чем заметят всерьез.

Вчера я уже успел пощупать самые простые, так называемые волшебниками - низшие заклинания. Они давались легко, почти сами собой. Взять тот же свет: я мог менять его мощность, делать его тусклым, как отблеск далекой звезды, или ярким, как вспышка молнии, - и это получалось без лишних усилий, достаточно было загнать больше энергии, и поджечь ее намерением.

Обнаружение магии и так всегда было со мной - оно не требовало ни слов, ни ритуалов, это было просто мое видение мира. У меня получалось в случае необходимости притушить его, переключившись больше на физический план. А притвориться, что творишь его, - это уже скорее актерское мастерство: сделать нужный жест, произнести слово, будто ты тянешь силу извне, а не просто смотришь на мир чуть иначе.

Телекинез тоже поддался без сопротивления. Я подхватывал легкие камешки - до пары килограммов - волей, словно поддевал их невидимой рукой. А если добавить немного энергии, этот «щуп» можно было выдвинуть дальше, и поднимаемый вес увеличивался - правда, ценой

уже большего расхода на удержание формы. Легкие трюки, исполняемые близко к телу, почти не отнимали сил: они были как дыхание – уже привычные и почти бесплатные.

Куда интереснее было пробовать что-то более объемное. Например, туман. Он получился не с первого раза: пришлось сначала разложить процесс на отдельные шаги, чтобы понять, где прячется ошибка. Нужно было заранее продумать варианты отступления в случае опасностей - и туман должен был стать моей завесой. Я направил волю на сбор влаги в воздухе, потянул ее к себе, распылил мельчайшие частички сырой силы, смешал, охладил - и вот, перед глазами все поплыло, взор застилала плотная пелена, скрывая фигуру, размывая очертания. Это было похоже на тот раз, когда Шатти укрыла нас от бандитов - ее туман был плотным, надежно скрывающим очертания, но почти невесомым.

Воспоминания о ней вызывали противоречивые чувства. Не знаю, встретимся ли мы вновь. Я был одновременно рад, что не взял ее с собой - в тех передрягах, в которые я угодил, она с большой вероятностью погибла бы, - и печален от того, что наши пути разошлись, возможно, навсегда. Она мне нравилась, и мысль о том, что мы больше не пересечемся, оставляла в груди холодную пустоту, которую было нечем заполнить.

Я попробовал и кое-что атакующее - сгусток огня и магические стрелы, как те, что мелькали в битве с орками у монастыря. На деле все оказалось проще, чем казалось со стороны: нужно было лишь отделить от себя часть сырой силы - что тут же начинала растворяться в мире, - зажечь ее волей и придать импульс.

В первый раз я выпустил просто искру, отделив ничтожную толику энергии. Во второй - сформировал небольшой шарик, поджег и послал вперед. Он растекся по камню, не причинив ему видимых повреждений, и выглядел скорее как фокус, чем как оружие. Тогда я вспомнил коечто, сжал чуть больший объем силы в оболочку из воли и запустил. Камень взорвался, обдав меня веером осколков.

Но расход энергии меня не порадовал. Уже такой объем воли я буду собирать несколько часов, а пара подобных «заклинаний» сожрет весь запас энергии, который я получил от того первого духа – другими словами естественный отток за три дня. За время пути сюда я не встретил больше таких подарков, и восполнить энергию было негде. Значит, ее нужно беречь. Самым разумным выходом стало использовать магию без лишних спецэффектов – тихо и экономно, без вспышек и грохота.

Повинуясь наитию, я создал каркас из четырех точек - тонкую длинную пирамиду с основанием в три точки - и соединил их друг с другом, наполнив внутренности энергией для создания прочности. Конструкция вышла изящной и легкой в пол ладони длиной, почти невесомой, будто сотканной из лунного света и тишины. Но главная сложность крылась в скорости: если придать ей слишком резкий, хлесткий импульс, пирамида рассыпалась, словно хрупкий лед под ударом, а если пускать медленнее, она просто плющилась на камнях.

Я снова и снова пытался удержать баланс между стремительностью и целостностью, чувствуя, как тонкая энергия перетекает вдоль плоскостей пирамиды. И вдруг меня озарило. Вместо того чтобы гнать рассеянную энергию - я добавил последнюю, пятую точку в центре пирамиды, закрепив ее форму. Далее пустил энергию по ребрам, закрутил вокруг нитей, словно туго свитый канат, создал цикл - отток энергии через этот центральный канал и возвращение назад по внутренним ребрам до оснований. И в этот раз все прошло безупречно. Пирамида рванулась вперед как отточенное острие, послушное моему взгляду. Она летела стремительно, сохраняя идеальную форму, и становилась грозным дополнением к моему дальнобойному арсеналу. При этом затраты энергии оказались впятеро меньше, чем на эффектные огненные вспышки и грохочущие чары. Никакой лишней мишуры - только чистая, собранная сила. Да, тонкая работа волей поначалу озадачивала, но это было тем, что можно со временем отточить до идеала.

Я позволил себе короткую, едва заметную улыбку. То, что надо – тихое, точное, экономное заклинание, практически невидимое. Камни размером с кулак заклинание разносило в

труху – теперь, если придется защищаться от смертных этого мира – то у меня есть способ сделать это без лишних затрат.

И вот на какое-то время я снова стал с виду просто усталым путником в промокшем балахоне. Подобрав более-менее ровную палку, заметил, что один ее конец венчает причудливый корень – сама земля подарила ему навершие. Немного очистил, навеял кусочек волшебства, придал палке благородный, слегка обожженный оттенок. Издали посох стал походить на творение мага. Приступил к тренировкам – нужно было правильно удерживать его в руке, подмечая баланс, нагружать свою волю. «Какой же маг, и без посоха?» – усмехнулся я про себя.

Дорога впереди терялась в серой пелене ночного дождя. Я размышлял о целях, которые следовало достичь, раз за разом, просеивая их сквозь призму горького опыта, выделял по сути единственную - глобальную. Стать настолько сильным, чтобы больше никто не мог мною повелевать. Не просто отбиться от угроз, а навсегда стереть саму возможность чьейлибо власти надо мной. А заодно избавиться от глубинных привязок, что тянули меня туда, куда я не хотел идти. Одной из таких была недавно заключенная договоренность. Могло ли быть так, что и это было подстроено? Больше походило на паранойю.

Следствием этой цели становилось все остальное: доступ к энергии, расширение арсенала, понимание того, как устроена сила в этом мире. Но собственные изыскания давались слишком дорого - буквально по реальному кусочку, оторванному от себя. Каждое новое понимание стоило капли воли, каждого часа восстановления, каждого мгновения, когда я балансировал на грани истощения и, наконец, энергии, от концентрации которой я напрямую и мог взаимодействовать с миром.

Снова и снова в памяти всплывали рассказы того говорливого волшебника - именно таков был его класс. Его сила строилась на бесконечных исследованиях, на терпеливом складывании мозаики из знаков, слов и жестов. Готовые заклинания стоили достаточно дорого, а их подгонка «под себя» требовала времени - но для когото этот процесс был сам по себе захватывающим. В перспективе он мог дать куда больший результат, чем простая беготня с заточенной железной палкой.

Я примерно понимал, как они работают: берут набор стартовых знаков и слов арканы, комбинируют, улучшают по каким-то принципам, представляют эти знаки перед внутренним взором, закрепляют жестом и словами, в которых еще слышны отголоски древней силы, а затем толкают конструкцию волей наружу. Все было выверено, отточено, словно клинок, который создают месяцами. То, что в знаках может содержаться сила – я теперь был уверен на все сто, а значит, за ними точно кто-то стоит. Бог магии? Возможно, но его имени я не знал, да и называть бы его побоялся. Вдруг еще заметит…

У меня был совсем другой подход. Возможно, сейчас я нащупал чтото свое - не сырой выплеск силы, а нечто более академичное. Но разве гдето можно об этом почитать? Сильно сомневаюсь.

В Гибсхольде была своя башня магии, где властвовал Ковен магов, и никого туда, по сути, не допускали. Библиотеки в условно свободном доступе не существовало. Я был почти уверен: каждый волшебник или колдун хранит знания при себе, превращая их в личную крепость. Получается у каждого - своя библиотека, свои секреты, свои заметки, понятные только ему.

И все же оставался один вариант - барон Калед. Если он жив, если выбрался из той сумасшедшей передряги и не тронулся умом от пережитого, то с ним вполне можно договориться. А значит, у меня появится шанс покопаться в библиотеке колдуна.

Колдун, конечно, совсем не волшебник - между ними лежала целая пропасть. Волшебник строит мощь на искусстве: на выверенном, отточенном сочетании сил, на формулах, которые шлифуют поколениями. Колдун же продавливает реальность своей врожденной внутренней силой, будто пробивает стену голыми руками. С виду их магия могла казаться одинаковой,

но суть была разной. С точки зрения построения магии – волшебник, наверное, был бы мне ближе, а вот с точки зрения использования самих сил – колдун. Интересно…

Хотелось понять его работу с силой глубже - то, как он чувствует сопротивление мира и ломает его, не выстраивая аккуратных конструкций, а может и выстраивая, как находит в себе точку опоры, от которой все сдвигается. Возможно, это позволило бы мне почерпнуть идеи, как сделать собственные заклинания эффективнее. Ведь, как я теперь понимал, использовать сырую силу - значит бездумно расходовать себя, сжигать собственный фундамент ради мгновенной вспышки. В теории - я сейчас очень и очень силен. Но только на один раз. А мне нужно было не гореть ярко, а гореть долго. И гореть так, чтобы никто не смог меня задуть.

С этой мыслью я плотнее накинул капюшон и двинулся дальше. Брызги от воды, попадая на основное тело «щекотали», проходя через разную плотность моей материи. Я не чувствовал холода, только движение – как энергия протекает сквозь меня, огибая уплотнения. Впереди, гдето за горизонтом, могла ждать встреча, которая изменит все, хорошая или плохая, неизвестно. Или не ждать. Но я должен был попробовать.

Дорога петляла, то прячась за поворотом, то вновь открывая длинную полоску утоптанной земли, и вдруг я ощутил это - резкое, обжигающее давление в самом центре груди, будто ктото дернул за невидимую цепь. Клеймо вспыхнуло, оставив четкое указание – туда: привязку жесткую, неумолимую, как приказ, от которого не отмахнуться.

«Что, уже?» - пронеслось в голове, и волна негодования прокатилась по сознанию, обжигая, как глоток ледяного ветра. Клеймо от богини природы вспыхнуло изнутри жгучей волной, а затем так же внезапно погасло, оставив после себя лишь четкое указание: туда. Только туда.

Воспоминание окатило как холодный дождь, заставший путника без укрытия – вдруг вспомнились последние слова богини *«Не оставляй тут печать»*. Я съел энергию печати, переработав ее, сделав своей частью, разобрал кусок воли лича на составляющие – поборол и впитал, сделал себя сильнее. Если это не убило его, то, надеюсь, сильно ослабило. Не думаю, что у такого могущественного существа было одно вместилище, и именно по этому, судя по его реакции, он не сильно волновался, что мы ему как-то навредим. Но сама печать, я ведь забыл про нее, оставив в пещере. С другой стороны – уговор был только на три услуги, а та просьба не походила на требование. Что ж, если ей будет надо, я вернусь и заберу, пусть только скажет, но только в качестве платы за уговор... Надеюсь, это не выйдет мне боком.

Я вздохнул, криво усмехнулся, мысленно посмеиваясь над собственной иллюзией свободы - над тем, как я воображал, что теперь сам выбираю дорогу. Но меня, оказывается, все еще держали на поводке, пусть и невидимом. Отрезвляюще. Свернув с тракта, я шагнул в чащобу, где ветви сплетались над головой, а воздух был напитан силой жизни.

Пробираясь сквозь заросли, я вдруг заметил, как одно из деревьев - старый раскидистый вяз - налился мягким, изумрудным светом. Сила текла по его жилам, как кровь, а свет был теплым - само дерево дышало магией.

Скрываться тут было не от кого, да и поздно было прятаться - меня уже заметили. Я приготовился к любому повороту: если потребуется, приму изначальную форму и встречу опасность лицом к лицу. Этот мир был откалиброван на взаимодействие с телами, с плотью, а не с тонкими структурами энергии. Я помнил, как барон творил связывающее заклинание - как он превратил духа в плоть, и мы нашпиговали его честной сталью, и как воля мага, вплетенная в клинок, способна разить даже тех, кто состоит из одной лишь силы. Так что я знал, чем мне могут навредить, - по крайней мере, в пределах обычных битв. О высоких материях оставалось только догадываться.

Из ствола старого вяза сначала проступило лицо - тонкое, словно вырезанное из лунного света, с чертами, похожими на изгибы коры и прожилки листьев. Потом проявилась фигура: она будто собиралась из прозрачного зеленого сияния, прикрытая легкими одеяниями из лун-

ного света. Существо выпорхнуло из дерева легко, без усилия. Сделав пару шагов ко мне, она плавно припала на одно колено, но в ней чувствовалась и сила, и достоинство.

Ее кожа отливала теплым оттенком молодой листвы, а волосы струились, как тончайшие ручейки воды, перевитые нитями света, они растворялись в воздухе. Глаза были глубокого изумрудного цвета, в них плескалась не человеческая мудрость. Легкое свечение вокруг нее не рассеивалось, а стелилось по земле, словно туман, как дыхание леса.

- Приветствую тебя, высший! – Мелодия ее голоса разлилась ярким и звонким лесным ручейком. Она подняла взгляд, и в нем я не видел угрозы, только ожидание - будто она знала, кто я, и ждала, что я скажу первым.

Я опешил, и от ее красоты и от формы приветствия. Она была почти божественна. Красивее нее я не видел ничего раньше, как будто сама богиня природы вдохнула в это дерево жизнь. Впрочем, могло ли так быть на самом деле? Стоило только гадать. Прекрасное существо улыбнулось – мягко, без смущения, и в этой улыбке было спокойное признание моей реакции

на свою красоту. Тихий шепот накрыл меня саваном «Да, я такова. Прими это». И от этой прямоты мне стало еще неуютнее - я вдруг почувствовал себя неловким, слишком грубым, слишком простым рядом с ней.

Молчание затягивалось, оно давило, требовало хоть какогото движения, хоть слова. И я буквально выдавил из себя самый очевидный, а оттого до нелепости глупый вопрос: - Кто ты?

– Хотя и прекрасно знал кто, в замке нам рассказывали про этих существ, прекрасных хозяек чащоб и лесов, про хранительниц их границ. Там, где энергия жизни била ключом, рождались они – дриады.

Их кожа на самом деле была тонкой корой, они могли очаровывать. Кто в своем уме, захочет причинить им вред? Только злое, жуткое существо. Там, где энергия жизни била ключом, где корни деревьев сплетались с потоками силы, рождались они - дриады. Описать их человеческим языком невозможно, слишком обыденным это было для того, что стояло передо мной.

Плавно поднявшись, она сделала легкий полуоборот, небрежно откинув волосы с плеча - и в этом движении была текучая, свободная природа, само непостоянство, не признающее границ.

- Меня зовут Лиара, - прозвучал тихий шепот листьев. - Я матриарх этого леса. И я ждала тебя.

Последние слова повисли в воздухе, тяжелые от смысла. «Ждала тебя». Не «когото», не «путника», а именно меня. Я попытался сглотнуть, пытаясь удержать равновесие между удивлением и настороженностью, и тихо спросил: - Откуда? – Хотя опять уже и знал ответ.

Лиара чуть склонила голову, и в ее взгляде мелькнуло чтото похожее на тень улыбки - Богиня направляет, лес шепчет, - просто сказала она. - А я слушаю… И когда в него ступает тот, чья сила может либо исцелить, либо сжечь его до корней, - он говорит громче обычного.

- Зачем я тебе? Почему ты назвала меня высшим? - удивление от происходящего понемногу притупилось. Мир будто сдернул тонкую дымку, и мое восприятие сместилось, раскрываясь и охватывая опять все сразу. Я вернулся в привычное состояние. Наваждение, притягательное и искушающее, растаяло, словно утренний туман под первыми лучами солнца. Красота творения богини осталась, но чары рассыпались. Очаровывать было больше некого. И я ощутил легкое раздражение.

- Прости, я не могла… не попробовать. Увидеть подобного тебе - редкость, граничащая с… невозможным. В этом мире всякий так или иначе кому-то служит - волей или неволей. Таков извечный порядок вещей. Даже боги не стоят выше него. Пусть мой рассказ станет платой за твою помощь. Примешь ли ты это?

Это была хитрая уловка, и я прекрасно это понял. Я пришел сюда по зову богини, и теперь, если соглашусь на ее условие, станет ли это исполнением одной из обещанных услуг? Скорее всего, нет. Но в этом и заключалась тонкая игра.

- Я пришел по зову богини, и помогу вам. Но твой рассказ будет платой за твое любопытство, и я задам несколько вопросов. Договорились?

- Я согласна, ну, пойдем? – излучая веселье, она с завидной легкостью, как мираж, прошла к дереву и поманила пальчиком меня за собой, скрываясь в дереве.

Я вздохнул - больше для вида, - и, сдержанно кивнув, опять полагаясь на чужую волю, последовал за ней.

Когда мы подошли к древнему вязу, я ощутил, как тонкие, почти невесомые нити силы мягко оплели меня, пробуя на вкус саму суть моего бытия, а затем бережно потянули к раскидистому стволу. Ощущения были странными и в то же время родными: нечто нежное, едва уловимое касалось меня, считывало мои внутренние колебания и плавно подстраивалось под них - точно так же, как некогда я учился сливаться с глухим резонансом скал, проходя сквозь их каменную толщу. Только теперь я не прилагал совсем никаких усилий.

Не было той мучительной ломки, что терзала меня при переходе через односторонний портал. Все свершилось стремительно, в едином вздохе мира. Но одно я постиг с кристальной ясностью: эти два места связывало не просто намерение - за ним таилось нечто более тонкое, глубинное и сильное. Это было родное и вместе с тем неуловимое - словно я вспомнил отзвук забытого сна, который когдато видел.

Простая энергия уходила лишь на перемещение и легкое сканирование, мягко подталкивая и молниеносно, слой за слоем, формировало структуру моего посоха - будто само дерево шептало ему форму, которую тот должен принять.

Таких переходов было несколько, и между переходами мы шли рядом, беседуя. Лиара отвечала на мои вопросы и задавала свои, которые невольно заставляли задуматься о том, что на самом деле знают существа этого мира о нем самом.

Глава 5. Тонкости жизни.

Лиара рассказывала мне о незначительных нюансах существования – тех, что ни на что не влияют, но которых мне так не хватало. Например, обоняния. Но эти мелочи были важны. Именно через них я пытался найти свое место в мире - как юный росток, пробивающийся через палую листву. Я не знал, что на самом деле существует рядом со мной.

- Высший, потому что ты не связан чужими законами и ответственностью, - повествовала дриада, и в ее голосе слышалась почти благоговение. - Твоя душа - собственная, ничьим повелением не скованная, твой потенциал не ограничен. А сущность дриады - быть продолжением воли нашей богини. Мы служим ей - каждая сама по себе, и все же мы единое целое: стражи и защитники ее доминиона, живое воплощение ее силы. Боги вмешиваются в ход существования крайне редко: это отнимает у них бездну сил. Чем крупнее существо, тем больше ее сил уходит на движение. Потому им легче создать себе творения, не ограниченные лишь их волей, но действующие по установленным ими законам и правилам. Мы же можем ступать лишь там, где простирается наша территория - доминион, что и есть основа силы богов.

- Как же тогда зарождаются те существа, что не привязаны к богам? Их энергия собирается ведь из естественных источников, - Вопрос сорвался с языка слишком торопливо, и я посетовал на себя, что не сдержался, выдав свою заинтересованность.

- Вопрос за ответ, - хитро улыбнулась она, и в этой улыбке мелькнуло чтото игривое. Я кивнул, принимая правила этой тонкой игры.

- Мир поглощает не любую энергию воли, а лишь ту ее часть, что с ним не согласована. Такие духи рождаются в тихих местах, там, где возмущения мира едва ощутимы, словно шепот на границе слуха. Слабый дух почти не резонирует с миром - и потому почти не теряет сил. Как только достигается порог, достаточный для зарождения воли, первые импульсы духа укрывает остаточная эссенция места сотворения. Это его краткий щит. И тут все решает время: хватает ли его, чтобы выстроить оплот намерения - или нет.

- Оплот намерения? - переспросил я, цепляясь за непривычное словосочетание.

- Да. Кристаллизация воли - способность облекать намерение в устойчивую форму, делать его не просто порывом, а опорой. Теперь моя очередь, - она легко коснулась меня двумя пальцами, едва скользнув по плечу, и это мимолетное прикосновение отозвалось в груди странным, почти звенящим теплом. Я вспомнил момент, когда количество моей энергии перешло в качество, и думаю, тогда, мне было гораздо сложнее – ведь у меня уже была прорва энергии на тот момент. Пришлось строить сразу целую структуру для ее удержания. А может, догадка нехорошо отозвалась во мне горечью, старый бог намеренно тянул из меня энергию, когда показал мир без «его защиты». Ведь тогда я не мог понять, что именно происходит, смотря вовнутрь, а не наружу. Может. Может и то, что большое количество энергии просто-напросто вызывало большее возмущение. Уже неважно – я отбросил эти сомнения, которые ни к чему не вели.

- Что ты знаешь о тех новых существах, что приходят в мир? Они не такие, как все. Их нельзя окончательно убить: дух их не растворяется в мироздании, а воля исчезает лишь частично. Мы уже сталкивались с ними, и среди них есть очень темные создания. Богиня говорит, что они – посланники, и видят мир иначе – не так, как исконные его обитатели. – Я прекрасно понял, что дриада описала мне игроков, и теперь в ее тоне не осталось и следа прежней игривости: только холодная настороженность.

Я некоторое время обдумывал, что можно сказать, что она поймет, а что не говорить стоит, наконец, сообразив, ответил:

- Да, богиня права. Они действительно видят мир не таким, каким видим его мы. Их тела - словно вместилища, временные оболочки. Говорят, они приходят сюда, чтобы испытать

подобие жизни, будто ради забавы. Там, откуда они приходят, все, видимо, куда более тускло. Сила их сразу проявляется в самих телах, и они читают ее по символам, что вспыхивают в воздухе, словно руны на ветру. А еще они умеют говорить друг с другом на огромных расстояниях, обмениваться мыслями на общих собраниях, где личное присутствие вовсе не требуется, - я говорил спокойно, выверяя каждое слово, но не пряча смысла. Честность за честность - этот принцип отзывался во мне чемто верным, почти родным. Да и скрывать чтолибо небыло смысла.

Лиара ненадолго задумалась, и мы продолжили путь - от дерева к дереву, скользя по едва уловимым нитям силы. Расстояние казалось не слишком большим, но мы преодолевали его в десятки, если не в сотни раз быстрее, чем если бы шли просто пешком по травам и мху. Гористая местность севернее каждый раз приближалась рывками, и теперь высилась совсем близко.

- Мы пришли, - дриада указала рукой на север, и в ее словах сквозила горечь утраты. - Там нечто, что источает темные эманации. Они коверкают наш лес, губят наших зверей и медленно, но верно выжигают саму суть нашей рощи. Богиня ужаса и тьмы пытается раздвинуть границы своего доминиона. Ктото злой принес сюда некий артефакт - и теперь он служит ей, раздвигая ее власть над этими землями. Чем больше ужаса и тьмы происходит на наших землях, тем быстрее она распространяется. Нам нужна твоя помощь. - Она на миг опустила руку и посмотрела на меня прямо. - Мы не можем атаковать сами. Мы - воля нашей богини, ее продолжение. Если две божественные воли столкнутся напрямую, это уже будет война богов. Никто не хочет такого исхода: баланс мироздания еще сильнее нарушится, и последствия обрушатся лавиной на всех. Поэтому мы просим тебя: найди и уничтожь центр силы. Только так можно пресечь этот яд у самого корня, не разжигая большего пламени. И, как тебя зовут, высший?

- Пусть будет Рино, - немного помедлив, ответил я, пробуя новое имя на вкус.

- Там, - Лиара указала чуть западнее, в сторону пологих склонов, где лес становился реже, - находится новое поселение существ светлых рас. Они невольно помогают нам: их присутствие немного сдерживает тьму, не дает ей расползтись по низинам. А мы не мешаем им жить здесь - так держится тонкий мир между нами. Если встретишь их, можешь объединиться: общая беда порой крепче любых клятв.

Она на мгновение задержала на мне взгляд, словно стараясь запомнить каждую черту, и тихо добавила: - Богиня понимает всю тяжесть ситуации и не требует мгновенного результата. Я вижу, что ты только осваиваешься в своей новой форме - каждое движение дается тебе не как прежде, и это нормально. Мы подождем. Но прошу, поторопись: тьма не знает усталости, она лишь копит силу.

Лиара обошла меня и провела ладонью по спине. Энергия ее прикосновения была доброй, но колкой, как морозный рассвет – я ощутил надежду и радость, и одновременно - грусть расставания. А еще во всем этом снова мелькнуло чтото неуловимо знакомое, будто я уже чувствовал этот узор силы когдато давно, в другой жизни или во сне, который никак не мог вспомнить.

Я вышел на небольшую опушку, заметив яркий огонек светлой энергии, как порхающий светлячок, трепетавший сквозь просветы вековых стволов деревьев. Кроны были высоко, и свет заката отдельными лучиками пробивался сквозь них, освещая полянку. Черный медведь среднего размера уютно устроился на поляне возле кустов малины. Он сосредоточенно обнюхивал ветки, деловито отгибал листья и с откровенным удовольствием поедал каждую ягоду.

Я уже хотел было шагнуть назад, скрыться в листве, и раствориться в тихом дыхании леса, как вдруг из-за малинника выступила утонченная фигура эльфа. Его светло-серые глаза нашли меня. В этом взгляде было столько внимательности, что у меня сложилось впечатление, будто меня пытаются разобрать на части.

Он стоял спокойно, будто сам лес был ему домом. Высокий, с прямой осанкой и лицом, в котором читалась собранность - словно он привык слушать дыхание леса. Его волосы, темные, были заплетены в тонкие косы. Воля мага была вплетена в его броню – от пластин кожи, с вкраплениями зеленых самоцветов исходило едва заметное сияние - как внутренний свет, теплый и ровный, будто в ткань вплели рассвет. За плечом покоилось длинное копье, на лямке висел круглый деревянный щит. На поясе держалась дубина - для тех случаев, когда магия становилась бессильна.

Черный медведь, был его зверемспутником, и не выскочил из кустов, не зарычал, а просто оказался рядом, будто прирос к его тени. Он не смотрел на меня с угрозой, скорее с ленивым любопытством, как будто решал, стоит ли вообще тратить на меня время, которое он бы с удовольствием потратил во вкусном малиннике.

Эльф не произнес ни слова приветствия. Вместо этого он чуть приподнял ладонь, наклонил голову, и воздух вокруг него на миг сгустился, словно лес задержал дыхание. С его уст сорвались негромкие слова простого заклятия, и я увидел, как от него пошла волна цвета и вибрации, раскинувшись во все стороны. Там, где она касалась обычного мира - куста, камня, ствола, - она лишь слегка мерцала и текла дальше, почти не задерживаясь. Но стоило ей коснуться чего-то магического, как цвет становился более насыщенным, сильнее проступала вибрация. Похоже, что это было обнаружение магии.

На доспехе эльфа волна не просто легла - она впиталась, усилив ровное, спокойное свечение пластин: зеленый стал глубже, почти изумрудным. На моем же одеянии более живо проступил тусклый светло-золотистый свет.

Когда эльф произнес последнее слово и опустил руку, зеленая волна не погасла резко, а стала медленно таять, как утренний туман, который уходит не сразу, а по частям. Цвет бледнел, вибрации затихали, и когда взгляд эльфа снова остановился на мне, я уже знал: он не просто так проверил, есть ли во мне магия.

- Кто ты такой? - спросил он ровно, как спрашивает тот, кто привык видеть суть вещей, и не любит загадок.

- Просто маг-отшельник, - слегка отступая в тень дерева, произнес я, будто сам ствол мог дать хоть каплю укрытия.

- Ты - игрок? - спросил эльф, и второй его вопрос застал меня врасплох. Он прозвучал так буднично, словно речь шла о чемто привычном, но оттого лишь сильнее выбивал из колеи.

Я на миг замер, пытаясь уловить, не послышалось ли мне. Эльф и правда не выглядел как тот, кто сам приходит из-за этой завесы. Напротив, он казался частью леса - сбалансированным, собранным, будто вырос тут. Его движения были лишены суеты, а в осанке чувствовалась спокойная уверенность исконного обитателя этих мест. Именно поэтому вопрос прозвучал еще страннее: будто он знал о той стороне мира, которую я не видел, и проверял, вижу ли ее я. А может быть он и был обитателем этих мест, но по какой-то причине невзлюбил игроков, и теперь разделяет одних от других? Для чего? Да нет, бред же, неписи забывают об игровых условностях уже на следующие сутки, или все изменилось за то время, которое я был «не в себе»?

Он не ждал ответа с нетерпением - скорее наблюдал, как капля воды ложится на лист и растекается по прожилкам. Медведь рядом чуть шевельнул ухом, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что прячется между ними. А зеленое свечение доспеха эльфа пульсировало едва заметно, в такт чемуто невидимому - может быть, ритму леса, а может, отголоскам того самого заклинания, которое все еще висело в воздухе тонкой, полупрозрачной рябью.

- Да, игрок, - наконец ответил я, выбрав такой вариант. Если есть конфликт - лучше узнать об этом сразу, а если он игрок - общаться с ним будет, возможно, еще проще, чем с аборигеном этих мест.

- О, а ты выбрал неплохой антураж, так и не скажешь, - Эльф заметно расслабился, будто с плеч свалился тяжелый узел настороженности. - Здарова! Мое имя Додоро, а это ЫрЫр, мой спутник. Он хлопнул медведя по загривку, и тот фыркнул.

- Зови меня Рино, - ответил я, возвращая улыбку. Плечи сами собой опустились, напряжение стекало, как дождевая вода с листьев. Драки точно не будет - я не чувствовал от него ни капли негатива, только деловитую собранность. - Ты выглядишь как настоящий эльф, просто зачет, – припоминая на ходу словечки, которым бросались ребята из группы Бромбурга.

Додоро хмыкнул, чуть склонил голову, будто примеряя комплимент, и в его светлосерых глазах мелькнула веселая искорка.

- Ха, спасибо! Я на самом деле шаман, всамделишный, а здесь выбрал класс друида – постигаю... – Он произнес это так, будто это должно было мне что-то сказать, - А еще отдыхаю и заодно пытаюсь заработать репутацию с местными, чтобы сформировать свою рощу друидов. Общество дало мне такое задание. – Слово общество он выделил интонацией. - Тут бродят злые мобы - мне их надо извести как можно больше. Чем чище лес, тем крепче связь с духами места, так что это не просто зачистка, а почти ритуал.

Он на секунду замолчал, будто прислушиваясь к чемуто, что слышал только он, потом снова посмотрел на меня, уже без прежней настороженности, скорее с живым интересом.

- А ты зачем тут?

- Примерно за тем же, - не стал я вдаваться в детали и слегка скорректировал свою задачу. - У меня задание от Дриад - на зачистку местности севернее. Вот иду посмотреть, что там творится. Похоже, там какойто центр силы, который искажает лес.

Додоро кивнул, будто это объяснение укладывалось в его собственную картину мира, и поправил копье за плечом, чтобы оно сидело удобнее.

- Дриады, круть! Я их пока не видел, но надеюсь на это, они должны быть красивые… Севернее… Да, видел, там зона нестабильная. Я туда пока не лезу: мобов там больше и они не такие простые, а с какойто странной аурой. Если ты от Дриад, значит, у тебя есть допуск к их информации - может, поделишься, что знаешь? А я взамен покажу, где тут лучшие тропы, и где прячутся их патрули. Вместе будет быстрее и безопаснее. Да и ЫрЫр не прочь размяться.

Медведь будто понял, что речь о нем, повернул массивную голову и уставился на меня маленькими темными глазами - не враждебно, а с ленивым любопытством, словно прикидывал, стоит ли считать меня союзником или пока лучше просто понаблюдать.

Я чуть помедлил, взвешивая – в этом мире, где «игроки» понимают правила игры, такой союз мог оказаться куда ценнее одиночного похода. К тому же в его предложении не было подвоха - только простая, почти бытовая логика напарника, тем более он знал местность.

- Ладно, но смотри внимательнее, Дриады - они очаровывают.

Я сделал шаг вперед, выходя из тени дерева: – и, действительно, они рассказали кое-что важное – там какой-то артефакт, и он работает. Если его убрать, твари должны рассосаться. У меня нет точного местоположения, только направление и несколько признаков, по которым его можно найти.

Ыр-Ыр подошел ко мне, тыкнулся мордой в руку, отвернулся, чихнул.

Додоро усмехнулся, и снова кивнул, но тут же слегка прищурился. - Значит, идем на север, но давай не напролом. Сначала сыграемся, а потом попробуем. Кстати, над тобой нет никакой информации, - потыкал он пальцем мне над капюшоном.

- Балахон сокрытия, – оттянул я полу, как бы показывая, вот он.

- А, ну ясно, хорошо же ты замаскировался. Теперь понятно чего он подсвечивается. А я тут тоже не случайно сидел, раскидал камни и они мне сказали что неплохо было бы подождать тут. Получается, тебя ждал. Ну, погнали, - он махнул мне рукой и заспешил, забирая ближе к западу.

- Кстати, какой у тебя левел?

- Пятый, - слегка лениво ответил я.

- Добротно, у меня пока четвертый, но пятый уже довольно скоро. На пауках тут неплохо качаться, но опасно, они могут поджидать в кронах толпой. Я уже раз так обжегся, закусали так, что даже убежать не смог, яд злой… откатился, - слегка печально закончил он.

Передвигаясь с новым напарником, я заметил, что он совсем не оставляет следов - будто лес сам подставлял ему невидимые ступени. Там, где он ступал, трава не приминалась, листья не шуршали, а мох словно чуть темнел на миг и тут же возвращался к прежнему виду, будто ничего и не происходило. Даже массивный Ыр-Ыр шел почти беззвучно: его лапы мягко опускались на землю, и только редкие сухие веточки хрустели - да и то будто по случайности.

Я невольно покосился на свои собственные босые ступни: те, тоже не оставляли никаких вмятин в сырой почве и не цепляли травинки, но уже по другой причине. Хорошо, что мой балахон скрывал этот непосредственный контакт с подлеском, не хотелось бы объяснять еще и это.

Додоро хмыкнул, будто заметил мой взгляд. - Это пассивный навык друида. На четвертом уровне прокачал, теперь в лесу - ни звука. У магов такого нет. Ты по какой ветке идешь?

- Скорее по ветке «чтобы меня не замечали», - я ответил, чуть глубже натягивая капюшон балахона. Ткань привычно скользнула, и на секунду мне показалось, что мир вокруг стал чуть тусклее - будто само пространство решило не задерживать на мне взгляд.

Додоро одобрительно кивнул. - Ну вот, а говоришь, ничего особенного. Твой балахон сокрытия - это уже половина абсолютной невидимости. Даже у меня взгляд пытается уйти в сторону, класс.

Лес начал потихоньку меняться, становясь более мрачным и разговоры сошли на нет.

Додоро на секунду замер, подняв ладонь, ЫрЫр тут же сел, опустил голову и стал похож на большую темную глыбу, обросшую шерстью. Эльф чуть склонил голову, прислушиваясь не к звукам, а к чемуто более тонкому.

- Тут тропа, - прошептал он, не опуская руки. - Камни мне сказали, что по ней ходят те, кто не хочет быть замеченным. Если мы пойдем здесь, то сможем обойти зону, где пауки любят устраивать засады. А заодно проверим, не оставили ли там разведчики с острога какие метки. Он махнул мне рукой, приглашая идти следом, и снова двинулся вперед.

Тропа оборвалась, и лес предстал в пугающем обличье. Деревья болели: черные наросты и бурая слизь оплетали кору – было похоже, что древесина очень быстро гнила. Сумерки сгущались, и в полумраке проступали плотные узоры паутины.

Медведь фыркал, водя носом из стороны в сторону. Додоро замер, настороженно вглядываясь в темноту. Я проследил за его взглядом и заметил в кронах светящиеся сгустки болотно-бурозеленого оттенка. Они шевелились, перекатывались с ветки на ветку, и воздух наполнялся сухим шуршанием - по дереву скользили десятки острых коготков. Я насчитал не меньше шести.

- Нас заметили, - предупредил я. - Прятаться теперь бессмысленно.

Разум привычно плел жгуты силы: четыре энергетических стрелы замерли в невидимом каркасе – это был максимум, который я мог удерживать одновременно. Нарастала тяжесть, потому что каждый заряд постоянно тянул волю.

Один из арахнидов сорвался с высоты и рухнул прямо на ЫрЫра. Медведь взревел – яростный звук раскатился по лесу. Лапой он смахнул тварь, подмял под себя и принялся топтать на месте, не давая ей подняться. Этот звук как будто стал сигналом - с крон посыпались остальные.

Ближайший паук, размером с крупную собаку, шипел, стремительно скользя сверху по паутине прямо ко мне, его движения были очень плавными. Я выпустил стрелу. Фонтан бурого ихора брызнул в стороны, и на миг я ощутил вспышку чужой ярости. Второй выстрел почти разорвал арахнида надвое, он рухнул на землю и замер, лишь слабо дергая конечностями. «Не совсем живые» - отметил про себя.

Краем глаза я уловил, как Додоро отбивается сразу от двоих: его копье мелькало в сумерках, высекая искры о хитин. Пауки были невероятно проворны - они взбегали по стволам, прыгали, атаковали с разных углов и направлений.

ЫрЫр стонал все глуше - на нем висели трое. Его рык постепенно терял силу, становясь похожим на жалобный рев загнанного зверя. Я ударил точно - одна стрела сбила паука со спины медведя, вторая ударила в того, кто был рядом с Додоро, заставив тварь отпрянуть.

Я отступил к толстому стволу, прижался спиной к коре и потянул из глубины новую порцию силы. Я распускал свою плотную энергию на тонкие нити, наслаивая их на каркас стрел из воли. Это давалось тяжелее, чем на тренировках. В голове мелькнула холодная мысль: в следующий раз стоит держать под рукой заранее разряженную энергию - запас, который можно с меньшими потерями времени превратить в стрелы.

Воля гудела, натягиваясь, как тетива. Я понимал свой предел: около сорока–пятидесяти таких выстрелов - и структура тела начнет сильно проседать. После этого наступит временная деградация - откат, способный затормозить развитие. Оно было плотнее обычной энергии, текущей в этом мире, и давало возможность взаимодействия.

Бой слился в один стремительный миг. От убитого ранее паука отделился сгусток силы - темная воля, сплетавшаяся с его ошметками энергетики – она потянулась кудато на север. Я рванул ее к себе, на секунду ощутив сопротивление, как будто потянул привязанный канат. Чужое намерение оказалось слабым, почти механическим, и я легко переломил его, втягивая энергию под балахон.

В спину вонзились жвалы. Холодный яд проник сквозь покров воли. Капли физической отравы упали на землю, но магические нити, пытавшиеся вцепиться в мою структуру, рассыпались в тот же миг - моя воля сожрала их без следа. Разворот, удар кулаком наотмашь - сырой выплеск силы ударил паука, как молот. Он заворочался, будто пытался переварить саму энергию, что я в него влил, но не смог – я поглотил его следом.

Я осмотрелся. ЫрЫр уже прижал к земле последнего противника, а Додоро точным движением вогнал копье в его хитин. Лезвие вошло до упора, в землю, и тварь затихла.

Додоро опустил копье, посмотрел на меня - в его взгляде читалось облегчение.

- Живы, справились, - выдохнул он, осматриваясь, проверяя, правда ли это.

Я кивнул, занимаясь тем, что пытался успеть подтянуть все сгустки к себе. В груди все еще пульсировала чужая сила - не такая злая как у лича, но темная, беспросветная, как ужас глубин, но теперь покорная, растворяющаяся. Скоро она почти без остатка будет моей.

Мишка и правда выглядел неважно: шкура в нескольких местах была прокушена, а по могучему телу текли черные нити силы - я ясно их видел, чуть светящиеся, они расползались по кровеносной системе медведя. ЫрЫр тяжело опустился на землю, привалился боком к стволу и прикрыл глаза.

Додоро подскочил к нему, голос его сразу стал ровным, почти певучим, и он зашептал свою мелодию:

- Духи природы, придите сюда, помогите ему, светом обогрейте, исправьте основу. Духи природы, приходите сюда, всю злобу и тьму из тела гоните…

Он повторял эти слова как просьбу, в которой каждое слово было весомым. Между фразами он тихо шептал медведю: - Ыр-Ыр, спокойно лежи, сейчас мы тебя исцелим. – Медведь прядал ушами, но лежал спокойно, тяжело дыша.

Я стоял чуть в стороне и впервые по-настоящему видел, как работает друидическая магия. Это не было похоже на мои стрелы, где сила собиралась в плотную конструкцию. Здесь энергия приходила отовсюду: из земли поднимались тонкие зеленые линии, из воздуха сгущались полупрозрачные потоки, из ближайших растений будто вытягивались нити света. Природа делилась своей силой, а Додоро своим намерением собирал все это вместе, переплавлял, направлял.

Я видел, как эта энергия проникает в тело медведя, выталкивая наружу структуру яда: темные нити, похожие на скрученные пружинки, выдавливались из тела медведя и рассыпались, едва коснувшись воздуха. Воля мира сталкивалась с отработанной волей темной энергии - и побеждала. Раны стягивались, будто их сшивали невидимой иглой, а по шкуре пробегала легкая волна теплого света.

Через некоторое время ЫрЫр шумно выдохнул, поднялся и бодро встряхнулся. Он постоял некоторое время, прислушиваясь к себе, а потом подошел к Додоро и ткнулся носом ему в плечо.

Эльф откинул косичку, прилипшую к лицу, и, немного отдышавшись, выудил из кармана горсть больших синих ягод. Съел пару и протянул мне: - Лечебные. По одному хиту восстанавливают. Будешь?

Отказываться не хотелось - да и смысла не было. Я взял одну и закинул в рот. Вкуса конечно же я не почувствовал, зато нежная, структурированная нейтральная энергия раскрылась практически сразу, этот «вкус» оказался неожиданно приятным, и буквально крупинка моих сил потраченная в бою вернулась обратно. По телу прокатилась теплая волна. - Спасибо, - кивнул я. - Идем дальше или отдых?

- Отдохнем, - решил Додоро, оглядываясь. - Тут место тихое, да и мне нужно немного прийти в себя. Магия, она силы берет не только из природы, но и из меня.

Мы двинулись назад, в сторону, туда где лес был еще не отравлен. Додоро быстро развел небольшой костерок. Поваленное дерево лежало, как широкая скамья, прикрытая с одной стороны густыми кустами. Эльф удобно устроился на бревне, ЫрЫр сопел рядом, уткнувшись носом ему в ногу, и уже не выглядел раненым зверем, а просто очень большим и очень усталым.

Перед тем как уйти с места битвы, эльф аккуратно выбил жвалы с пауков и вырезал мешочки с ядом. Теперь он их очищал - будто это была привычная, почти бытовая работа. Сложил их в отдельный мешочек и хмыкнул:

- Много опыта привалило. Должно по идее быть меньше, может какой паук был сильнее. Еще чутьчуть - и точно хватит на следующий уровень.

Я промолчал. Ято знал, почему он получил столько опыта: система этого мира не делила его со мной. Для этой части реальности я будто не существовал. Мой опыт был в другом.

- К югозападу отсюда есть форпост, даже скорее острог, - продолжил Додоро, помешивая палкой угли. - Там как раз берут жвалы пауков за небольшие деньги. Есть квест на сдачу. Если хочешь, можем вместе отнести, разделим. - Он посмотрел на меня, предлагая вариант.

- Не, спасибо, - покачал я. - Не люблю людные места. Того, что у меня есть, пока достаточно.

Додоро кивнул, будто и не ждал другого ответа, и протянул мне кусок вяленого мяса:

- Держи. Не деликатесы, но силы даст.

Я взял, немного удивился, но не стал отказываться. Растворив в себе принудительно немного мяса, я с удивлением обнаружил, что в нем действительно есть энергия - тонкая, спокойная, почти незаметная. Она почти не перекрывала затраты на ее добычу.

– Классная у тебя магия. Как ты это делаешь, вмысле, без пассов руками, без голоса, не так как другие? – он задал вопрос буднично, без всяких долгих подводок. Заметил все-таки, но и на этот вопрос у меня уже была заготовленная легенда.

- Взял талант бесшумного заклинания, - ответил я.

- Прикольно, надо почитать об этом. Наверное это удобно, особенно, когда идешь по пути скрытности? – эльф откусил ломтик мяса и передал мне.

- Вроде неплохо, - я мотнул головой, отказываясь.

Мы сидели у костра, иногда обсуждая интересные ему вещи и в этой части лес вокруг не казался враждебным. Огонь мягко освещал, тени плясали на коре деревьев, а тишина была не напряженной - такой, когда можно просто помолчать, потому что рядом есть тот, кто понимает ценность тишины.

Ближе к утру, когда небо начало сереть, мы снова поднялись. ЫрЫр встряхнулся, сбивая остатки сонливости, и пошел первым, чуть поводя по сторонам своим большим носом. Додоро проверил копье, затянул ремни и посмотрел на меня:

- Ну что, Рино, снова в путь?

Я кивнул. В груди давно растворилась чужая сила, которую я забрал после боя. Я стал сильнее, может, на каких-то жалких пол процента, а может и того меньше, но это был уже стабильный прогресс.

***

Мы шли вдоль ручья, и вода тихо журчала чтото на своем языке. ЫрЫр время от времени опускал морду к воде, нюхал и фыркал, будто проверял, все ли в порядке. Додоро шагал рядом, не торопясь, и в какойто момент вдруг остановился, приложил ладонь к стволу старого дуба и постоял так несколько секунд, будто слушал, что дерево хочет сказать.

- Тут граница, - тихо произнес он, отнимая руку. - Духи леса здесь особенно внимательны. Они не любят суеты. И не любят, когда к ним лезут без уважения.

Я покосился на него, но не стал перебивать. После того, как видел, как природа делится с ним силой, спорить с тем, что он чтото слышит, не хотелось.

- Духи тут разные, - продолжил Додоро, снова шагая вперед. - Есть те, кто живет в корнях - они спокойные, медленные, как сама земля. Они держат лес на себе, не дают ему рассыпаться. Если обидеть корень, лес это запомнит – молча, но навсегда.

Он махнул рукой в сторону ручья:

- А тут водяные духи. Они быстрые, скользкие, любят шутки. Могут завести не туда, могут спрятать тропу, а могут и помочь, если попросишь вежливо. Я однажды шел по берегу, а они взяли и подняли уровень воды – наверное, просто пошутили – с ними никогда не поймешь точно.

Мы обошли большой валун, и Додоро чуть замедлился, выбирая слова:

- Еще есть духи кроны. Те живут высоко, в переплетении ветвей. Они видят все, что движется внизу. Именно они первыми замечают чужаков. Вот почему я тогда сидел на той полянке и раскидывал камни: хотел услышать, что они скажут. Камни - это как антенны для кроновых духов. Одни передают вибрации, а другие уже складывают из них картину.

Я невольно вспомнил ту встречу - как он будто ждал меня.

- И они сказали, что я иду? - спросил я.

Додоро хмыкнул, но без насмешки:

- Они сказали, что идет ктото, кто не принадлежит лесу, но и не ломает его. Чтото среднее. Для них это редкость. Обычно либо свои, либо враги. А ты… будто между мирами.

Он на секунду замолчал, прислушиваясь к чемуто, чего я не слышал.

- Есть еще духи огня и ветра, но они тут редко задерживаются. Слишком быстрые для такого старого леса. А вот духи камня - совсем другие. Они могут молчать столетиями, а потом вдруг заговорить. И тогда лучше слушать внимательно, потому что говорят они редко, но всегда по делу.

Мы вышли на небольшую прогалину, где трава была особенно густой и зеленой, а воздух - теплым, будто солнце здесь задерживалось дольше. Додоро сел прямо на траву, не боясь испачкаться, и похлопал рядом:

- Присядь. Тут место доброе. Тут духи земли любят сидеть… ну, в переносном смысле.

Я опустился рядом,

И тут я заметил его.

У корней старого дуба, там, где темная земля сплеталась с тонкими нитями корней, медленно кружил полупрозрачный силуэт. Это был сгусток света, сотканный из зеленых и янтарных искр, которые то вспыхивали, то гасли, будто он дышал. Дух двигался неторопливо, почти лениво, описывая плавные круги, и каждый его виток подтягивал к себе тонкие нити энергии из почвы.

Я замер, боясь спугнуть, и скосил глаза на Додоро - не заметил ли он. Но эльф сидел спокойно, чуть прикрыв глаза, и, кажется, вовсе не смотрел в ту сторону.

Дух на мгновение замер, словно почувствовав мой взгляд, и на долю секунды его очертания стали четче. Потом снова расплылся в легкое мерцание и скользнул вдоль корней, вглубь, растворяясь в земле.

- Ты его видел? - тихо спросил я, не поворачивая головы.

Додоро чуть улыбнулся, не открывая глаз: - Того, что кружил у корней? Да. Это хранитель этого места. Он не любит суеты, но если ты сидишь тихо и не несешь с собой злобы - он может показаться. Значит, он тебя не считает врагом.

Я хмыкнул про себя, скорее заметил меня и смылся, на всякий случай.

- Знаешь, - сказал Додоро, глядя кудато вдаль, но будто видя чтото другое, - многие думают, что магия друидов - это просто заклинания и жесты. Но на самом деле это умение слышать. Слышать, как дышит лес, как шепчет вода, как скрипит старый сук, когда по нему ползет жук. Это не про силу, а про внимание.

ЫрЫр подошел, положил тяжелую голову Додоро на колени и прикрыл глаза. Эльф провел ладонью по его уху, и медведь тихо фыркнул, будто согласился со всем сказанным.

***

К позднему обеду мы продвинулись дальше, чем первый раз. Проходя по оврагам и прогалинам – сожгли несколько кладок пауков, и перебили в общей сложности пару десятков. Мы сработались: Ыр-Ыр танчил, отвлекал, я бил на дистанции, Додоро страховал и добивал, если кто-то прорывался. Эльф получил новый уровень, и теперь не мог удержаться от мечтаний, радовался, что теперь он сможет обучиться у наставника превращению в животных.

- Представь, как будет прекрасно быть, например, белкой, и прыгать по этим могучим ветвям, ну, согласись? – его настроение было отличным, он был как маяк света в это темном

месте – звонкий и неугомонный. Для меня он буквально сиял энергией и в переносном смысле – яркий, живой, не теряющий способности радоваться простым вещам. Я соглашался, какой смысл спорить, если это все всего лишь слова, а истина всегда посередине, особенно тогда, когда находилась между двух мнений.

В тот миг, когда Додоро получил новый уровень, я увидел это внутренним зрением - тем самым, что различает тонкие потоки силы. Энергия хлынула сверху плотным столбом, будто небо разомкнуло свои врата и отдало накопленную мощь. Она вливалась в него ровно, обволакивая фигуру мерцающим белым сиянием, и с каждым мгновением его энергетическая структура становилась плотнее.

Но внутри у меня все было иначе. Эмоции не исчезли - я попрежнему мог злиться, радоваться, уставать, чувствовать страх, если он пробирался сквозь броню воли. Просто теперь они звучали гораздо тише, как далекий гул ветра за стеной. На первый план выходила холодная логика и другие ощущения: тонкие нити энергетических потоков, едва заметные колебания силы в воздухе, тяжесть собственной воли и то, как она сплетается в каркас вокруг тела.

Пока Додоро болтал, я прислушивался к лесу внутренним чутьем. В воздухе уже проступала тонкая пелена чужой темной магии, как туман, будто ктото или чтото наблюдало за нами издалека или просто было. Я не стал говорить об этом вслух: не хотел гасить радость Додоро, да и доказательств пока не было, одни предположения.

- А наставник сразу покажет, как оборачиваться, или сначала придется кучу всего сделать? - спросил я, чтобы поддержать разговор, показаться человечным, и заодно узнать чуть больше.

Додоро на секунду задумался, будто сам только сейчас понял, что превращение - это не просто щелчок пальцев.

- Ну, сначала теория, конечно, - он махнул рукой, но тут же снова заулыбался. - Но это ничего. Главное, что теперь я могу начать. … представь: проскользну между ветвей, спущусь прямо на голову какомунибудь пауку и крикну: «А вот и я!», Ахахахахаха…

ЫрЫр фыркнул, будто счел эту идею излишне шумной, и боднул Додоро в бок, требуя внимания. Эльф рассмеялся и потрепал медведя по загривку.

Мы шли дальше, и лес понемногу менялся: деревья становились мрачнее, трава реже, почва мягче, тени - гуще,

- Воняет, прелой листвой и еще чем-то, незнакомым, терпким, - пожаловался Эльф. Я снова ощутил тот легкий холодок на границе восприятия.

Интермедия I.

Василий Демьянович барабанил пальцами по столу, впрочем, как обычно, когда решал то, что решению плохо поддавалось. Сухой мужичок средних лет в больших очках ежился в кресле напротив, крутив стакан с водой в пальцах руки, словно пытался найти в нем спасение.

- Павел, ну вот все-таки объясни мне по-простому, без этих ваших там терминов разработчиков, что вы там такое накрутили, что я уже второй раз за месяц получаю от направления инженерной архитектуры запрос на включение запасных мощностей. Конечно, я уже отправил и это на проверку, но ребята говорят, что потребление мощностей за пол года опять устремилось в космос. Мы уже задействовали практически весь запас на запланированный срок в пять лет, и теперь надо докупать оборудование. Что вы там такого наоптимизировали, ты же должен понимать, как руководитель?

- Василий Демьянович, ну понимаете, ведь регресс тестирование по оптимизации факторов точечного… – начал было Павел, но генеральный его перебил:

- Павел! По-про-сто-му, что не так? – по слогам произнес генеральный. Когда дирик злился, он начинал говорить медленнее, и Паша это абсолютно точно знал на своем опыте.

- Квины, они достраивают реальность. – Паша отхлебнул воды из стакана.

- Допустим, - начальник медленно кивнул. - Кто им это позволил?

- По логике этим занимается главный архитектор, он распределяет задачи, но и изначальный импульс потенциала развития основных коммитеров реальности…

- Паавеел, – протянул Василий Демьянович.

- Ах, да, извините, - смутился начальник направления разработки, мысленно сопоставляя размер своей заработной платы, задействованного свободного времени на разгребание того, что начало происходить последнее время, и теперь количества сгорающих ежедневно нервных клеток. Пока что жадность побеждала. Мысленно вздохнул, подбирая слова, которые будут понятны, хотя и эти были достаточно просты - рукль мог бы и выучить уже, все-таки основополагающие термины. - Главные боги игры достраивают свои миры, и на данный момент, в соответствии с консенсусом взаимосвязей… - Павел запнулся, - в соответствии с тем, что логика взаимодействия причинно-следственных связей мироустройства, да пожалуй так будет понятнее, - сказал уже тише руководитель разработки.

- Ну, ты меня совсем за тупого-то не держи, - ухмыльнулся директор.

- Да, то есть нет, извините, в общем, они начали строить параллельные слои реальности – божественные планы.

- И я об этом узнаю только сейчас? - Изумился директор.

- Ну, мы сами узнали только два дня назад, и пытались проанализировать что можно предпринять...

- Я пооонял… - темп ударов пальцев по столу увеличился. - В следующий раз прошу не утаивать такую важную информацию, особенно ту, которая может напрямую влиять на капитальные затраты компании, - начал отчитывать подчиненного Василий Демьянович, - и тем более то, что находится в компетенции кроссфункционального взаимодействия. Помню, вы могли ограничить главного архитектора реальности, этот функционал сохранился?

- Да, Василий Демьянович, остался, и мы его уже задействовали, но… это уже не работает так эффективно и он все равно находит лазейки. Может, мы скоро поймем, что реально можно сделать, и нужно ли, - последнюю фразу он уже добавил тише. Про кратковременные сбои с предоставлением навыков игрокам он говорить не стал, к вопросу это не относилось, да и вроде бы проблема исчезла, ну и слава всевышнему - то, что рассосалось само – чинить не требуется.

- Молодцы, ну в целом понятно, иди пока работай, - руководитель переключился на связь, - Аллочка, пожалуйста, собери вечером внеплановое совещание.

Павел чуть отвернулся в сторону и незаметно закатил глаза, видимо сегодня опять не удастся сходить с любимой в ресторан, а она уже ножкой топает, похоже уже сильно подгорает…

***

Лагерь вокруг монастыря жил своей жизнью.

Палатки, костры, оружейные стойки, ремонтные навесы - все это теперь кольцом опоясывало древние стены, и с каждым днем кольцо становилось все плотнее. «Солдаты удачи» держали центральный сектор, самый беспокойный. Оттуда нежить лезла чаще всего.

Два капитана стояли у карты подземелий, разложенной на походном столе. Один - высокий, жилистый, с седыми висками и глазами человека, который слишком долго смотрит на цифры. Второй - коренастый, с обожженным лицом, в кольчуге, которую он не снимал даже ночью.

- Три группы по восемь, - сказал первый, водя пальцем по карте. - Заходят с восточного фланга, чистят первый ярус, возвращаются. Если встречают голема - отступают, не геройствуют.

- Големов вчера было три, - ответил второй. - Двое уцелели. Третьего маги добили.

- Значит, сегодня может быть больше. Противник как мы выяснили – не дурак, он тоже считает.

Первый капитан выпрямился и посмотрел на монастырь. Стены были темными, обожженными, и от них тянуло холодом - даже здесь, на расстоянии.

- Сколько мы уже тут? - спросил он.

- Четыре месяца.

- А кажется - год.

Второй капитан хмыкнул. Он тоже смотрел на монастырь, но не с тоской - с расчетом.

- Зато платят, - сказал он. - За каждого мертвеца – кучка монет. За голема – впятеро больше. За ходку вглубь - надбавка. Мы за два месяца закрыли все долги клана и еще отложили.

Первый кивнул. Он знал цифры лучше – ведь он их считал. Каждый день, каждую группу, каждую монету. Лидер клана был в замке, руководил стройкой, и это было правильно. Замок - это будущее, стратегия. А здесь - просто работа, тактика. Хорошая, грязная, но прибыльная.

- Только воняет, - сказал второй.

Первый поморщился. Это была правда. Даже на шестидесяти процентах восприятия - а они оба знали, что капсулы можно было настроить и на сто, - нежить пахла так, что с непривычки выворачивало. Гниль, сырость, что-то сладковато-тошнотворное, будто мясо, которое слишком долго лежало на солнце. Как открытый холодильник с мясом, который прошляпили, и не включили в розетку.

- Привыкнешь, - сказал первый.

- Я то привык. Но к запаху - нет. Даже в реале уже, кажется, что подванивает.

Они помолчали. Мимо прошла группа - шесть человек, все в легких доспехах, с факелами и мешками для трофеев. Один из них, молодой парень с веснушками, споткнулся о камень и выругался. Остальные засмеялись.

- Зеленые, - сказал второй. – Будут гоготать, долго не тут протянут.

- Протянут, - ответил первый. - Если будут слушаться.

Он снова посмотрел на карту. Группы уже выходили - три по восемь, как он и сказал. Они зайдут с восточного фланга, почистят первый ярус, вернутся. Может быть, принесут трофеи. Может быть, принесут потери. Это была очень высокооплачиваемая работа.

- Ладно, - сказал он. - Пошли. Проверим, как они там.

Второй кивнул и подхватил щит.

Глава 6. Испытание воли.

- Дальше тебе лучше не идти, - сказал я эльфу, - возвращайся, найди своего учителя, закрепи полученное в бою.

Мы стояли на границе территорий. Здесь, в лесу, загаженном скверной, начинала ощущаться темная, колкая энергия - она протягивала тонкие нити ко всему, что было рядом, будто хищная рыба, пытающаяся откусить кусочек от моего одеяния. Каждый такой укол отзывался легким жжением, и я чувствовал, как моя защита напрягается, удерживая эту липкую тьму снаружи.

- Ты ведь не пятой ступени, верно? - Додоро слегка усмехнулся, скорее с пониманием и легкой горечью. - Пойдешь дальше?

- Нет, не пятой, пойду, но не сейчас. Мне надо подготовиться. Чувствую – там очень опасно.

Действительно, дальше было опасно. И не только для меня: у эльфа на этой территории половина заклинаний начала сбоить, рассыпаясь на полпути, словно его слова теряли вес. Чем дальше он заходил, тем сильнее это проявлялось - будто сама природа здесь заканчивалась, уступала место чемуто другому. И, скорее всего, это было очень недалеко от истины.

- Кто ты? - наконец он задал свой главный вопрос.

- Я не знаю, - честно ответил я. - Удачи тебе, Додоро. И тебе, ЫрЫр. - Я потрепал медведя по загривку. Он опять фыркнул, как всегда при моем прикосновении, лениво вывернулся, а потом развернулся, следя одним глазом, когда его спутник пойдет назад.

- Еще, может, свидимся, Рино, - он протянул мне руку в прощальном жесте.

- Может. Все может быть, - я пожал протянутую руку.

- Ох, колется! Ха! - воскликнул эльф, потирая ладонь, будто от прикосновения к моей коже по ней пробежал разряд. Он хмыкнул, будто сам удивился своей реакции, развернулся и споро пошагал назад - туда, где лес снова становился «его храмом», где воздух для него пах жизнью.

Я смотрел ему вслед, пока силуэты не растворились среди деревьев. Когда я остался один на границе, где чужая энергия становилась гуще я углубился в себя, ощущая, как темные нити снова тянутся ко мне, пытаясь найти слабину.

Следовало понять какие тут правила. Эта энергия, она была другой - более сильной и активной – живые кусочки воли бомбардировали меня со всех сторон. Моя структура пока держала, но я попросту опасался идти дальше, где их плотность могла возрасти кратно.

Необходимо было решить и другие проблемы - одной из них были пауки. Время от времени они меня находили, и приходилось отвлекаться. Ничего серьезного, но это досаждало, сбивало с ритма. После самого первого боя я сформировал в теле небольшую полость с разреженной и активной энергией: подготовленная, она уже была пропитана небольшим количеством воли. Теперь стрелы магии формировались вдвое быстрее - но даже эта экономия не оправдывала постоянных срывов познания.

Так что в первую очередь была идея сделать себя незаметнее. Вторым этапом надо было както защититься или, что еще лучше, научиться поглощать враждебную силу. Один раз я попробовал втянуть эту гадость и растворить - и столкнулся с проблемой: она была структурирована почти так же плотно, как мои стрелы магии. И воля там была активной, настроенной на подчинение. Так что это оказалось не поглощением, а маленьким боем, где у меня сгорело энергии чуть больше, чем я с этого поимел. Тут стоило серьезно задуматься: чтото я делал не так.

Ровно сутки я потратил на то, чтобы сносно научиться быть невидимым - исключить себя из физического проявления. И, как я понял, это было только началом: на энергетическом

плане я все равно оставался видимым как тусклый фонарь в темной комнате. Но даже этого достижения хватило, чтобы продвинуться чуть дальше: теперь пауки проходили мимо, а значит, можно было сосредоточиться без постоянных помех.

Правда, поддерживать одновременно волеизъявление о том, что я не преломляю свет, что я - пустое место на энергетическом пространстве, и при этом производить активные действия, выходя за пределы сферы тела, я уже не мог. Свободной воли хватало либо на что-то одно из двух – как подступиться к тому, что бы быть невидимым при активных действиях, я пока не понял. Так что пока ограничился первым. Теперь можно было сосредоточиться на освоении следующего пункта в плане.

Я присел у старого пня, положил ладонь на шершавую кору и на мгновение позволил себе сбросить часть напряжения. Скверна здесь была густой, маслянистой, она постоянно цеплялась за края защиты. Я чувствовал, как она ищет лазейку, втягивал по крупице и пытался разобрать, из чего она состоит: какие нити воли вплетены в эту структуру, как они соединяются, где у них основные узлы и слабые места. «Если нельзя сразу поглотить, значит, надо сначала разобрать», - было одной из моих новых идей. Это было похоже на работу с заклинанием наоборот: не собирать энергию в стрелу, а разбирать чужую конструкцию на отдельные потоки, чтобы потом либо рассеять, либо перенаправить. Но это было как чистить горячую картошку, только что вытащенную из костра, не перекидывая ее из одной руки в другую – пока почистишь, обожжешься до волдырей.

Изза куста прямо на меня выскочил очередной арахнид – было ощущение что темная воля наводит их на меня, но эти туповатые твари теперь были бессильны меня заметить. Я не стал тратить стрелу: просто чуть уплотнил намерение что тут никого нет. Паук дернулся, ударившись в стену моей воли, зашипел и поспешно отступил, будто понял, что здесь ему не рады.

- Вот так, - тихо произнес я, и эта случайность навела меня на еще одну дельную мысль.

Новое заклинание сплеталось, как кольчуга у кузнеца - принцип мне был хорошо знаком: я таскал такую на себе больше года, чувствовал, как каждое кольцо ложится в переплетение, которое должно держать удары и передавать импульс дальше. Теперь я переносил это ощущение в магию.

В каждое энергетическое кольцо должно входить четыре под углом и передавать силу воздействия соседям. Но тут был подвох: одно дело - сделать укрепленную точку воли, и совсем другое - вытянуть ее в кольцо, удержать форму, не дать ей рассыпаться от первого же толчка. Я остановился на шестиграннике, где каждый переплетался с шестью соседними. Это давало нужную плотность без лишней сложности.

Соединять каждую точку еще и каркасом было выше моих сил - на это ушла бы вся воля, а толку по площади покрытия было бы чуть. Вместо этого я решил придать гексагонам импульс прочности: представил их как неразрывную ткань, плотную и упругую, и пропитал толикой энергии на поддержание.

Когда полотно было готово, оно легло передо мной, прикрывая тело с одной стороны. На это ушла почти вся доступная сила воли - я снова остался ни с чем, будто выжал себя досуха. Но результат стоил того.

Я выставил щит перед собой и шагнул к центру, понемногу ускоряясь. Двигая его, я словно «отталкивал» враждебную силу: она не пробивалась, а собиралась на плоскости, будто по тарелке барабанили капли дождя, только эти капли шипели и пытались прожечь. Щит держал. По ощущениям, он мог сопротивляться и настоящей лавине этой энергии.

Но, как всегда, было одно «но». Щит прикрывал только с одной стороны, а я тратил на его поддержание всего себя без остатка. Ни на серьезную атаку, ни на второе заклинание сил не оставалось. Это было не решение проблемы. Заклинание признал годным, но только для

кратковременного использования в критических ситуациях - когда нужно просто пережить удар и уйти. Назвал его незатейливо – щит силы.

- Ладно, - «выдохнул» я, позволяя структуре рассыпаться, и втянул в себя ее остатки. Тонкие нити энергии впитались, становясь опять мной, и я снова почувствовал, как на меня накатывает давление темной силы - теперь уже без преграды. - Значит, ищем другие варианты.

Я прикидывал идеи – может слоями, как фильтрам, которые разбирают только то, что нужно, тут же отбрасывал - нет, это дорого. Или, может, не отталкивать, а перенаправлять – как дождь, тоже не вариант, она так и будет скапливаться, пока не истощит меня. Может, воронка, выбрасывать подальше - как канал. Будет работать экономнее, не выжимая меня до дна. Но тоже… тупик по сути. Нужен был иной, кардинально другой подход.

То, что подтолкнуло меня к этой безумной идее, случилось ближе к середине вторых суток. Я время от времени немного подъедал пауков - не стаи, но некоторых особо упрямых, которые будто чувствовали, где я, и отличались от простых особей. Один прорвался сквозь рябь моего морока, щелкнул жвалами в пальце от лица, и в этот миг я вдруг ощутил это. Как будто колдун вложил свою волю в обычный клинок, сделав его волшебным, так и этот паук, источал вокруг себя ауру могущества, структурированной закрепленной энергии, что помогала ему буквально растворять плоть и броню на своем пути.

Она была выстроена похожим образом, как я плел стрелы: каркас из жесткой воли, по которому бежит поток темной энергии, а сверху - острая кромка, заточенная на разрушение. И в тот момент, когда я отбил его резким выплеском силы, я вдруг понял: эта враждебная энергия не просто «чужая» - она *сделана*. Спроектирована. И если она сделана по понятной схеме, значит, ее можно использовать.

Я отшвырнул паука, не добивая - он сам рухнул, оглушенный, его пожирала уже моя сила изнутри. А я стоял, и смотрел не на него, а внутрь себя, на то, как пульсирует мое тело, как оно держится на трехслойном строении, которое я придумал сам: плотный стержень в центре, потом мягкий слой, гасящий колебания и придающий плавности, и сверху - пленка из укрепленной воли, не дающая расползаться.

И тут меня осенило.

Почему я пытаюсь держать эту старую конструкцию, когда у меня есть схема, которая уже доказала свою эффективность? Каркас воли - жесткий, легкий, невероятно прочный за счет геометрии. Он рассчитан на то, чтобы как нести удар так и быть защитой, и не рассыпаться. Идея была безумной. Но в ней была логика: если враг бьет конструкцией, встречай его такой же, только лучше. Выскочил из ареала обитания темной энергии и приступил.

Пока понимание еще держало меня, я начал перестройку. Сначала распустил стержень, потом упругие слои, высвободив гору энергии начал плести каркас точек воли. Потом - ребра жесткости: они шли под углом, пересекаясь, и образовывали гексагоны – как в недавно изобретенном мною щите, только теперь это была не броня, а скелет. Во всех подвижных местах я чуть менял конструкцию. Затем я запустил циркуляцию энергии, оборачивая все соединения нитями эфира. Благо энергию нужно было направить только один раз – придать импульс, и дальше она текла сама, свободно, без моего участия. Каждый узел каркаса подпитывался, каждый стык укреплялся. А в самом центре я разместил свое «сердце» - это была особо защищенная часть, с чистой силой, под завязку наполненной волей к жизни. Остатки энергии я подвесил в пространстве тела. Карманом для заклинаний теперь стало все мое тело, и этот запас был гораздо существеннее чем ранее. Осталось только его напитать. Я чувствовал, как меняется сама суть – тело перестало быть разнородным, теперь это был целостный организм. Но цена оказалась чудовищной. Когда последний кусочек встал на место, я замер, боясь пошевелиться. Свободной воли не осталось ни капли. Даже естественный приток, который всегда тихо капал в мои резервы, теперь уходил на поддержание этой конструкции - она требовала постоянного питания, как живой механизм. Я стоял и чувствовал, как каждое движение отдается в теле.

Зато результат…

Теперь мне не требовалось поддерживать «видимость» плотности тела. Раньше я лишь отражал мир, не давая ему коснуться меня. Теперь я в большей мере был его частью. Оно было плотным - по-настоящему. Грязь налипала на ноги, цепляясь за подошвы, а следы моих голых стоп отпечатывались в земле. Балахон обвис, стал более естественным, промокшим. Капли дождя барабанили по нему и стекали вниз, оставляя мокрые дорожки на земле.

Я двинулся вглубь. В тот же миг чужеродная этому месту темная энергия, которая раньше шипела, будто разъедая ткань, теперь лишь слегка липла к поверхности, как паутина, и тут же соскальзывала, не находя зацепок. Она билась, рассыпалась на тонкие нити, и втягивалась в тело. Ее механическая воля сталкивалась с моей и гасла, переплавляясь. Моя же энергия загрязнялась, и с этим тоже предстояло что-то сделать. Воли для фильтрации не оставалось.

Я сделал шаг - и земля под ногой просела, приняла вес. Еще шаг - и я почувствовал, как структура тела отзывается упругим сопротивлением. Но стоило мне попробовать сделать чтото тонкое – как я снова наткнулся на ту же проблему. Каркас все еще не хотел быть гибким.

- Ладно, - останавливаясь и позволяя себе на секунду просто стоять, не пытаясь ничего контролировать. - Значит, не все сразу.

Я начал осторожно ослаблять отдельные узлы – размыкая связи там, где нужна была гибкость. В стопах и коленях - чуть мягче, чтобы чувствовать землю. В груди и плечах - оставить жесткость, чтобы держать удар. В руках и ладонях - сделать тонкие каналы, чтобы ощущать и взаимодействовать с энергиями и миром на более тонком уровне.

Когда наконец баланс был найден, я снова прислушался. Сначала это была едва уловимая вибрация - легкий отзвук, будто ктото провел когтем по коре дерева в сотне шагов отсюда. Потом - возмущение воздуха, едва заметное, как если бы ктото задержал дыхание в тени. Я не видел их, но чувствовал: трое. Они двигались по дуге, пытаясь взять меня в кольцо.

Первый паук выскочил из кустов, щелкнул жвалами. Его тело врезалось в мое новое тело – хитин остался на земле, как ненужная шкура, а его сила уже текла по моим каналам. Второй попытался обойти сбоку - я чуть сдвинулся, «помогая» ему, и он сам врезался в меня, теряя инерцию. Третий замер, будто почувствовав, что здесь чтото не так, и резво отступил. Я не погнался за ним, попросту еще не научился этому трюку.

Я стоял над ними и чувствовал, как по каналам бежит новая сила. Она уже не рвалась наружу - она занимала пустые ячейки, уплотняя структуру, делая ее крепче. Я тут же вносил поправки в места, где уже заметил свои ошибки.

Воля копилась за счет потребления темных сил. Я продвигался медленно, и уже был готов создать фильтрующий механизм. Но как можно очистить себя, не имея эталона того, к чему необходимо стремиться? Здесь мне помогло сердце, я правильно сделал, что изолировал его от внешних воздействий. Создав циркуляцию сердце – фильтр – сердце, я использовал его энергию на отсев грязи, и тут же возвращал чистую энергию назад.

До глубокой ночи я кружил, понемногу углубляясь к центру аномалии, потихоньку улучшал и привыкал к новому телу. С каждым часом я становился сильнее, а энергия тьмы перерабатывалась быстрее, отдавала свою волю охотнее.

Вдруг из темноты вырвалась целая волна скверны - не просто давление, а настоящий удар, плотный, тяжелый, будто ктото швырнул в меня кусок скалы. Раньше он смял бы мою защиту, пробил пленку, растекся по мягким слоям, точно бы дошел до стержня, заражая его. Сейчас… сейчас он ударился о каркас и рассыпался, как вода о камень. Часть силы скользнула по ребрам жесткости, и была погашена, часть была съедена узлами, специально сформированными конструкциями для целей захвата и переработки, и нападение не ушло впустую, подпитывая мою структуру.

Я улыбнулся. Впервые за долгое время - понастоящему.

- Теперь можно… - прошептал я с уверенностью.

- Теперь можно жрать! – мысль была не моей, но она была правильной. Тьма хотела поглощать, и я собирался ответить ей тем же.

Я пошел к центру. Скверна вокруг будто почувствовала перемену. Она перестала давить хаотично - теперь она пыталась найти слабину, просочиться в щели. Но щели не было, были только ловушки с заряженной волей энергией до самых краев. Я начал работать как насос: каждый раз, когда темная энергия била, я дополнительно пытался втянуть в себя еще все вокруг, до чего мог дотянуться.

В какой-то момент я почувствовал новое ощущение – освобождение. Сердце вдруг налилось светом, тот вспыхнул ярко, подсвечивая меня изнутри, и преобразовалось – в кристалл, величиной с кулак. Это теперь был не просто сгусток силы, это был мой якорь. Теперь тело держалось не на моей воле, а на этом кристалле. Сердце стало пульсировать – в такт вращения энергии по каркасу воли. С разума будто сняли тяжелый тренировочный доспех. Вся воля, скопленная за все время – высвободилась, неимоверные усилия, которые сопровождали жизнедеятельность этого тела – более не требовались. Оно теперь функционировало само.

- Ха-ха-ха-ха-ха, – я рассмеялся, эта сила опьяняла и окрыляла.

Теперь я не просто выживал в этом месте. Я стал его частью, не растворялся, а перестраивал его под себя. Теперь энергия мира текла сквозь меня и в моей воле было либо подчинить его, либо стать сторонним наблюдателем. И теперь во мне был лут, как говорили игроки – камень силы – мое сердце. Прямо мечта искателей приключений.

Из кустов снова выскочил паук - крупнее прежних, не меньше медведя Додоро, с темными наростами на спине, с аурой темной силы. Он замер на мгновение, будто почувствовал чтото неправильное, чуждое, и все равно бросился вперед. Я не стал ставить щит силы. На каком-то кураже, с диким восторгом от податливости и количества высвободившихся сил – за долю мгновения создал витую цепь из стрел, скрепленных между собой, и как надсмотрщик бьет провинившегося раба – так и я, наотмашь, хлестко врезал по нему. Паук дернулся, зашипел, кнут обвил его, и я понял, что могу поедать его прямо через свое оружие. Враг осознал, что попал в ловушку и попытался отступить. Попытался откусить кнут своими жвалами, его энергетика начала разъедать мое оружие, но я только выпустил чуть больше заряженной волей энергии. Паук обмяк, его хитин потемнел, будто из него высосали свет, и он рухнул на землю, уже не шевелясь.

- Да, - снова прошептал я. - Теперь точно можно двигаться вперед.

Тьма сгущалась, живой растительности считай не осталось, и через час непрерывного движения я наконец нашел его.

Он торчал из земли посреди мертвой поляны, как обломок чегото, что не должно было существовать в этом мире: черный обелиск высотой по пояс, покрытый сетью трещин, из которых сочился чернильно-багровый свет. Воздух вокруг него дрожал, как над раскаленным камнем, только здесь не было жара - было давящее, ледяное присутствие. Деревья вокруг стояли скелетами, почва была выжжена концентрическими кругами, будто от артефакта волнами расходилось нечто, что выжигало саму возможность жизни.

И тишина. В ней отчетливо слышался шепот - не словами, а намерением: *наклонись, прикоснись, опустись на колени.* Я почувствовал это давление на волю, медленное и терпеливое, как вода, точащая камень. Так вот чья рука простиралась над этим лесом. Это был не хаос, а воля. Чужая, холодная, знающая чего хочет, та, что пришла с севера, из земель, где правит ужас.

Я подошел ближе и начал изучать. Плотные слои энергии переплетались во что-то невозможное: нити воли, сплетенные в узор, у которого не было ни начала, ни конца, - каждый виток опирался на соседний и держал его. Структура дышала, перетекала, и стоило мне проследить взглядом одну нить, как она выныривала где-то совсем в другом месте сплетения. Я потянулся рукой - артефакт обжигал, причем не оболочку, а саму волю в пальцах: кончики нитей, что я протянул к нему, просто растворились.

Предстояло решить головоломку: разрушить или поглотить. Разрушить - не было стопроцентной уверенности. Поглотить - весь этот узел чужой воли, завязанный на что-то за пределами этого мира, мог сам втянуть меня, как воронка.

Я попробовал было протянуть к нему свои загребущие лапы, обхватить намерением, втянуть силу в свою структуру - и в какой-то момент мое намерение просто рассеялось. Растворилось, как дым на ветру. Артефакт не защищался. Он позволял смотреть - и показывал, насколько мал я рядом с тем, чьей волей он был налит.

Я сжал свою суть, и собрал побольше силы, чтобы ударить. Плотный, тяжелый импульс - прямо в трещину, куда сочился свет. Руки налились энергией, структура в них зазвенела от напряжения. Я занес ладонь…

И вдруг воздух рядом разломился.

Беззвучно, как разрывается ткань. Я не почувствовал его раньше. Он был скрыт так же, как я скрывал себя. Из разлома вышли двое: фигура в темном, и за его спиной - нечто, что раньше было человеком. Скелет, облаченный в остатки кольчуги, с пустыми глазницами, в которых тлели угли воли.

- Смелое намерение, - голос у волшебника был сухой, до невозможности надменный и высокомерный. - Бить прямо в сердце владычицы. Немногие доходили до этой мысли. И еще меньше из них еще дышат.

Глава 7. Нити судьбы.

Он не вышел из тени - он просто из нее отличался. Фигура была в темном облачении: контуры расплывались, будто его силуэт существовал чуть-чуть не в этом слое реальности. В теле волшебника я видел крепкую энергетическая структуру. Она светилась изнутри, буквально кричала о силе хозяина.

Его рука поднялась – на пальцах блестнули перстни, почерневшие от старости, а камни в них тускло замерцали. Мертвый страж, скелет в обрывках кольчуги, шагнул вперед и занял позицию между мной и обелиском, тлеющие угли в глазницах смотрели без эмоций, как и положено мертвяку

- Я не могу тебя прочесть, и это раздражает, - сказал волшебник, чуть наклонив голову, будто пытался рассмотреть меня под другим углом. - Это делает разговор интересным… или коротким. Выбирай.

- Я выбираю всегда одно и то же, - я не опустил руку. Пальцы слегка дрогнули, и по телу пробежала волна, собирая волю в плотный узел. - Сначала посмотреть, что за этим стоит.

- Тогда не смотри долго. - Волшебник хмыкнул.

Воздух вокруг него дрогнул. Тьма сгустилась, и из нее вырвались черные щупальца - не из земли, будто из самого пространства между деревьями. Они хлестнули по воздуху, стремясь оплести, сжать, лишить движения. Одновременно страж рванулся вперед.

Я не стал ждать - выбросил руку с заготовкой под удар и выстрелил им в скелета. Скрученная в тугой узел спираль из воли и энергии, которую я готовил для обелиска – снесли марионетку. Его кости разлетелись, хлестнув по обелиску, по магу, по земле. Следом я выбросил вперед щит силы: шестигранные ячейки, плотная ткань воли, – она встала передо мной стеной, и щупальца ударились о нее, рассыпаясь на искры, которые я тут же стал подтягивать, восстанавливая потраченные силы.

Но этого было мало. Я повел рукой, из ладони вырвался витой кнут - цепь из стрел магии, переплетенных эфиром. Кнут хлестнул по ближайшему щупальцу, рассекая его, и тут же метнулся к темному, обвивая его предплечье. Тьма в этом месте забурлила, но волшебник даже не шелохнулся. Он лишь чуть приподнял бровь.

- Слабо, - прошептал он, и тьма вокруг него сгустилась еще плотнее.

Новые щупальца выросли из старых, вдвое больше и плотнее, будто тьма регенерировала. Они вгрызлись в щит, проделывая дыры, разрывая и растягивая его на части. Я едва успел спасти оттуда часть влитой силы, сформировал из них шесть стрел, собранных в одно жесткое копье. Оно вонзилось во тьму вокруг тела мага, и словно утонуло, растворяясь, как капли воды в масле.

- Опять слабо, - повторил он, и тьма вокруг него всколыхнулась, принимая новую форму. - Ты думаешь, что сможешь пробить мою защиту грубой силой? Твои конструкции слишком прямолинейны.

Волшебник чуть повел кистью, и с кончиков его пальцев сорвалась россыпь черных искр. Стрелы тьмы летели не по прямой – они виляли, огибая мой щит, словно живые змеи, ища малейшую брешь в моей обороне. Я инстинктивно выставил перед собой ладонь, пытаясь собрать еще один щит, но искры уже впились в тело.

Ощущение было неприятным – будто в меня вонзились ледяные иглы. Они не столько пробивали тело, сколько пытались зацепиться за энергетические узлы, замедляя ток силы. Но я уже знал, что делать. Вместо того чтобы тратить волю на отторжение, я открыл каналы. Искры тьмы, не ожидая такого приема, втянулись внутрь, и мой кристаллический фильтр в сердце тут же принялся их перерабатывать, сжигая чужую волю и оставляя чистую силу.

Хм? - волшебник приподнял бровь, заметив, что его стрелы бесследно исчезли. - Забавно.

Я не стал дожидаться следующего удара. Впервые за все время после перестройки тела моя воля была свободна - не на две трети, не наполовину, а вся. Передо мной развернулся новый щит: те же шестигранники, но теперь между каждой точкой протянулись скрепляющие нити силы. Целая сеть, где удар должен был распределяться по десяткам узлов. Конструкция получилась тяжелее прежней, но и прочнее на целый порядок. Я чувствовал, как она гудит от вложенной воли, как каждая ячейка держит соседнюю. Я сделал ставку на защиту. Атакующие заклинания теперь буду черпать прямо из него, пока щит будет держаться.

Уже лучше, - обронил маг.

Он повел рукой, и мир вокруг меня оборвался.

Вязкая тьма накатила не волной - обвалом. Звуки леса захлебнулись на полуслове, зрение затянуло чернильной пеленой, даже потоки энергии вокруг стали вязкими, тягучими, будто воздух стал смолой. Мой щит и тело еще держались, но тьма не била в него - она обтекала, искала щели, давила со всех сторон сразу.

«Расплести», - подумал я.

Я видел заклинание не как облако, а как конструкцию. Основа, нити воли, якоря, которыми оно держалось за реальность. Я потянулся к ближайшему якорю, ухватил его волей и дернул. Нить подалась. Еще одна. Третья.

Половина. Щит содрогался от ударов.

Остальные нити тьмы держались крепко - они были вплетены в саму ткань пространства через основу, и рвать их было все равно, что выдирать корни из камня. Тьма отступила наполовину: я снова услышал дыхание мира, увидел смутные силуэты деревьев. Но давление осталось, продавливая каркас тела. По точкам и ребрам силы тела побежали трещины, часть погасла, - это было не смертельно, но ощутимо и неприятно. Я потратил волю что бы разобрать плетение и получил удар в ответ.

- Уже неплохо, - голос мага прозвучал будто сквозь толщу воды. - Но половины мало.

Земля под ногами вздрогнула. Из почвы вырвались черные корни - они обвили мои ноги, впились в энергетические каналы, впрыскивая холод внутрь. Одновременно они пытались зафиксировать меня, сковать движения как удушающие петли.

- Ну уж нет, – прошептал я.

Я вспомнил, как проходил сквозь камень в пещере. Тогда я подстраивался под частоту материи. Сейчас же нужно было сделать наоборот – стать слишком плотным, чтобы оковы не могли найти зацепок, или слишком «текучим», чтобы они прошли сквозь меня. Я выбрал второе.

Вспомнив ощущение воды, я позволил своему каркасу на долю секунды потерять жесткость, превращаясь в подобие вязкой эктоплазмы. Корни сжались, но им не за что было держаться – я выскользнул из их хватки, как вода сквозь пальцы, и тут же снова собрался, но уже на полшага ближе к магу.

Хитро, - раздался его голос, и на этот раз я его услышал, потому что действие вязкой тьмы начало спадать. Волшебник явно не ожидал, что я так быстро найду контрмеру.

Тьма вокруг него снова сгустилась, и он нанес следующий удар. Из его ладони ударил багровый луч. Я чувствовал, как эта энергия потянулась ко мне, пытаясь вырвать из меня мою силу, мою волю, саму суть. Луч вцепился в мой щит, и я ощутил, как он начал пить мою энергию, передавая ее магу.

- А вот это уже наглость, - оскалился я.

Он хотел забрать мою силу? Пусть попробует. Я не стал сопротивляться потоку. Наоборот, я усилил его. Я открыл свои каналы настежь и направил в луч не просто энергию, а ту самую очищенную, концентрированную мощь, которую только что поглотил из его же стрел, сдобренную моей собственной волей.

Луч задрожал. Маг дернулся, его глаза расширились от удивления, когда поток пошел в обратную сторону. Теперь уже я тянул его. Заклинание превратилось в двусторонний канал, и тут я был сильнее.

- Что за... – он резко оборвал заклинание, отдернув руку, будто обжегся. Его аура тьмы замерцала, покрывшись рябью. – Ты – бездонная бочка.

- Такого мне еще не говорили, - я шагнул вперед. Теперь настала моя очередь атаковать.

Я выбросил вперед обе руки, и из моих ладоней вырвался витой кнут, но теперь я вложил в него больше мощи. Кнут рассек остатки тьмы и устремился прямо к магу.

Он не стал уклоняться. Вместо этого перед ним встала непроницаемая завеса тьмы, и мой кнут утонул в ней, не достигнув цели.

- Ты силен, - признал волшебник, и в его голосе впервые послышалась нотка уважения. – Но ты забываешь, с кем говоришь.

Из глубины стены мглы вырвалась волна холодного давления. Я не распознал, что точно это было, но оно било не по телу, а пыталось нашарить что-то еще, чего у меня не было. Волна накатила на меня, пытаясь что-то сделать, пробудить. Но мой кристалл в сердце вспыхнул, отсекая чужое воздействие. Я вообще почти ничего не чувствовал, кроме голода.

- Не работает, - бросил я.

- Вижу, - маг уже не выглядел столь самоуверенным.

Он взмахнул рукой, и земля вокруг него вспучилась. Кости, обломки, прах – все это начало собираться в новые фигуры. На этот раз не один, а трое. Они поднимались из земли, облаченные в ржавые доспехи, с пустыми глазницами.

И одновременно с ними маг начал плести новое заклинание. Я чувствовал, как в воздухе формируется багровая нить. Она нацелилась не в тело, а в мою волю.

Взять его, - приказал маг, и мертвецы двинулись на меня.

Я не стал с ними возиться. Пока они вставали, я сформировал над головой сферу из чистой энергии, а затем вложил в нее намерение взорваться. Импульс ударил во все стороны, превратив трех скелетов в облако костяной пыли. Но в этот момент багровая нить достигла меня. Заклинание аж звенело от вложенной мощи.

- Да что ж ты..., - прошипел я, отступая на шаг.

- Слишком медленно, - маг чуть склонил голову.

Я видел ее структуру: не просто нить, а канат из чужой воли, сплетенный в несколько слоев. Я вцепился в него, попытался разобрать - слой за слоем. Первый слой поддался. Второй. Третий рассыпался на нити.

Оставшаяся часть пробила защиту. Боль была не физической - она прошла по каналам, разрывая связи, ломая узлы, заставляя кристалл в сердце пульсировать с надрывом. Я почувствовал, как трещины расширяются, как часть нитей тела лопается, не выдержав давления, как часть энергии уходит к нему, как кристалл в сердце на миг сбивается с ритма.

- Да достал! - рявкнул я.

Не заклинание. Просто крик - но в него я вложил все: остатки воли, всей свободной энергии, злость, что копилась с момента, как меня выдернули из смерти и начали дергать за ниточки. Звук сорвался с губ и пошел вперед. Вибрирующая, плотная волна.

Она ударила в мага, и его защита лопнула. Звук прошел сквозь нее, разорвав полотно. Врезался в мага.

Волшебник пошатнулся. Из его носа и ушей потекла кровь, а по ауре пробежала рябь - я увидел, как его магические каналы, яркие, налитые, те самые, что плели песнь заклинаний, лопаются один за другим. Не все. Но достаточно, чтобы он потерял контроль над тьмой.

- Ты... - он поднял руку, попытался собрать новое заклинание, но пальцы дрогнули, и тьма рассыпалась, не успев сформироваться. - Ты разрушил мне каналы.

Он выхватил из-за пазухи свиток. Тот вспыхнул и рассыпался прахом.

- Владычица не прощает поражений, - прозвучал уже затухающий голос. Пространство разорвалось. Дверь в измерении сомкнулась за ним, оставив после себя лишь запах гари и медленно тающую багровую нить.

Я остался стоять на выжженной поляне перед обелиском. Каркас гудел от перенапряжения, кристалл в сердце пульсировал, с усилием перерабатывая остатки чужой энергии. Трещины затягивались, но медленно - на восстановление уйдут часы, если не дни.

- Владычица... - прошептал я.

Я посмотрел на черный обелиск. Теперь, когда маг исчез, его защита ослабла. Из трещин сочилась знакомая, но куда более древняя и мощная энергия. Это был не просто артефакт, кусок воли, застрявший в этом мире.

Ну что ж, - я подошел ближе, поднимая руку. - Посмотрим, что ты за зверь.

Я протянул руку и коснулся обелиска.

В первый миг ничего не произошло. Камень был холодным - не ледяным, а именно холодным, как прикосновение к глубинной воде. Трещины, из которых сочился багровый свет, отозвались легкой вибрацией, будто обелиск почувствовал меня и… прислушался.

А потом меня накрыло.

Ощущение было знакомым до боли - то самое, что я ловил краем восприятия в лесу, у костра, на поляне с дриадой, с камнем в пещере, с водой под дождем. Теперь, высвободив всю свою волю без остатка – я смог услышать глубже, погрузиться в более тонкие материи. Мир вокруг не изменился, но я вдруг ощутил его иначе: не как пространство, заполненное предметами, а как единую среду, пронизанную бесконечными нитями. Эти невидимые каналы текли сквозь все - сквозь обелиск, сквозь выжженную землю, сквозь меня самого. Тонкие, упругие, живые, сплетающиеся в глобальное поле. Каждая нить вибрировала на своей частоте, и все вместе они складывались в один огромный, сложный, непрерывный гул.

Это была не материя, не энергия, не воля, все вместе это скорее было невидимым полем. Эфирным полем, и оно проявляло в мир свои нити – каналы тока сил – эфир для выхода в мир – это было тонко отмеренное, сбалансированное сочетание воли и энергии. Это была сама среда, в которой существовал мир. Знаит, заклинания представляли собой слияние воли и энергии, и они постоянно находились в эфире - в какой-то из нитей, как в течении реки. С началом и концом. И теперь я это течение слышал.

Обелиск же был не просто камнем. Он был узлом. Местом, где десятки этих нитей сплелись в тугой жгут, и от этого жгута тянулись другие нити - тонкие, багровые, уходящие куда-то на север, за пределы моего восприятия. Чужая сила, древняя и терпеливая. И этот эфир пульсировал медленно, сыто…

- Богиня, - понял я. Видимо так эти сущности захватывают себе территорию, перерабатывают энергию, и потом тянут ту себе – создавая свой эфир, понял я. Здесь силы природы угасали, трансформируясь в нечто отталкивающее. И это было обедом – и первым, и вторым и третьим…

Но едва я попытался ухватить одну из нитей, как обелиск ответил. Меня с силой отбросило назад, и я, прокатившись по выжженной земле, врезался спиной в мертвый ствол. Эфирное тело зазвенело от напряжения, кристалл в сердце пропустил удар. Сказывалось истощение от боя с темным волшебником.

- Рано, - произнес я, поднимаясь. - Понял. Рано.

Обелиск больше не реагировал. Он просто стоял, сочился светом и ждал. Он вообще никуда не торопился.

Боюсь, я не смогу ничего пока с ним сделать, мой удар будет как шлепок ладонью по луже. Может, оттуда вырвется и что-нибудь похуже, или же он просто распределит удар по своим каналам. Вариантов была масса. Чем глубже я смотрел, тем все больше уверялся в том, что этот обелиск – узел доминиона богини, о чем мне рассказывала Лиара. По сути автономное

продолжение ее воли на пока что чужой территории. Пока что оно подпитывается изнутри и расширяет тут свое влияние, но, возможно, в скором времени, начнет втягивать все обратно. У меня опять возникла одна идея, но перед этим надо было восстановиться.

Я ушел от обелиска на сотню шагов и сел прямо на землю, скрестив ноги. Восстановление после боя и удара обелиска требовало времени. Трещины затягивались, но медленно, и я чувствовал, что если сейчас снова ввяжусь в драку, то могу не выдержать.

Сидя на мертвой земле, я прислушивался к новому ощущению – эфирному полю. К тем самым нитям, что текли сквозь все. Чем дольше я слушал, тем яснее понимал: это не просто фон. Это была среда, в которой существовал мир, как вода для рыбы. И если я хотел научиться использовать ее, то должен был как-то настроиться. Но для начала неплохо бы разложить по полочкам то, с чем я столкнулся.

Те, кого я встречал в трактирах, на дорогах, в замке, кем был раньше сам. У них было тело - плотная, тяжелая оболочка, которая защищает нечто от растворения. И это нечто - точно не простая энергия и даже не воля. Внутри них теплится искра энергии, ровно столько, чтобы дышать, двигаться, думать. Они не чувствуют эфирное поле, не владеют волей. Для них магия - это что-то запредельное. Они могут молиться, могут получать благословения, и могут даже накопить немного силы через ритуалы или артефакты - но они не управляют ею. Они ее просто носят как одежду. Сними - и останешься голым и беззащитным.

Вот маги младших кругов, тот же Тавискарон, говорливый игрок, или те волшебники, которых я видел в бою у монастыря. У них уже есть сконцентрированная сила – воля - оформленная, способная направлять. Но они не чувствуют эфир – потоки материнского поля и не могут его направлять напрямую. Они используют костыли: жесты, слова, знаки, ритуалы. Каждое из этого – это мост или лестница по которой они добираются до силы. Без этих костылей они беспомощны. Они выучили, что если сделать так и сказать так - получится заклинание. Но почему оно получается - они не знают. Они повторяют за учителем, как попугаи, экспериментируют.

Колдуны и друиды - те, кто работает с внутренней силой, тут уже было поинтереснее. Додоро, например. Он не просто направлял энергию - он слышал, чувствовал ее. Слышал духов, чувствовал потоки, сливался с лесом. Его магия уже диалог, когда он просит, и природа отвечает. Это уже не костыли, но все равно - он работает с внешним проявлением сил, которые призывает и направляет. Он - тот, кто пользуется проявлениями эфира – его отголосками, как инструментом.

Тот темный волшебник, с кем я столкнулся у обелиска. Вот здесь уже была пропасть с предыдущими стадиями. Он не использовал жесты - или использовал, но лишь как украшение, как привычку. Он не произносил слов – по крайней мере не для результата волшебства. Его магия шла напрямую из эфира, без посредников. Или я их не распознал. Тьма, стрелы, оковы – все это было не заклинаниями, а продолжениями его воли. Он не призывал силу. Он был ее частью.

И было у меня ощущение, что он не был даже на вершине.

Я вспомнил барона Каледа. Сильный колдун, опытный. Он мог многое - сковывать духов, создавать конструкции, управлять потоками. Но то, что делал волшебник у обелиска, было за пределами его возможностей. Барон работал с эфиром как с инструментом. Волшебник - как со средой. Разница была очень существенной.

И вот теперь я сидел у обелиска и думал: а где я на этой лестнице?

Я не обычный человек - у меня нет тела. Я не маг младших кругов - я не использую жестов и слов, моя магия идет от воли напрямую. Я не колдун и не друид - я не призываю внешнюю силу, я перерабатываю ее в себя. Я ближе к этому темному, чем к кому-либо еще. Но я все еще работаю с эфиром как с инструментом. Мощно, в большом объеме, я черпаю энергию из эфира и делаю из него вещи.

А он - не делал, а просто призывал. И эфир подчинялся ему не потому, что он его строил, а потому, что он, скорее всего, был с ним на одной волне. Это и была следующая ступень.

«Проводник эфира», - вспомнил я слова старого бога. Тогда, в пещере, это звучало как абстракция. Я посмотрел на обелиск. Тот стоял, сочился багровым светом, и в его трещинах я видел нити - те самые, что текли сквозь все. Я слышал их. Но не мог коснуться.

И еще одна мысль, холодная и неприятная: если тот волшебник был на стадии проводника, то что за существо стоит за ним? Владычица. Та, чьи нити уходят на север, чья воля вплетена в каждый узел доминиона. Если ее слуга был настолько силен, что я едва выжил в бою с ним, то какой силой обладает она сама?

Ответа у меня не было. Только гул эфира и темные нити, что оплели мою грудь.

***

К утру эфирное тело восстановилось. Трещины затянулись, кристалл пульсировал ровно, и я снова чувствовал себя целым. Я отряхнулся от пыли, поднялся и посмотрел на обелиск. Он стоял, как и прежде - черный, треснувший, сочащийся багровым светом.

«Отказ от жесткого контроля в пользу резонанса», - вспомнил я слова Кседльварра. Тогда, в пещере, я понял их смысл однобоко – ровно в той мере, в которой был способен с учетом имеющихся сил.

Я закрыл глаза и попытался не управлять. Просто слушать. Нить за нитью, частота за частотой. Гул эфира стал чуть ближе, будто я подошел к двери и приложил к ней ухо. Но открыть ее пока не мог.

Я подошел поближе, сел на камень и стал смотреть. Не на сам обелиск - на его тени. На то, как скверна течет от него во все стороны, как расходится волнами по мертвой земле. Источник. Настоящий, живой источник энергии, который работал без остановки, днем и ночью, независимо от того, был рядом кто-то или нет.

И тут мысль, простая и наглая, пришла сама собой.

«А что, если его не ломать, а обложить со всех сторон и черпать энергию?»

Я же не воин, не паладин, и не борец со злом. Я - тот, кто ест, кто вбирает чужую силу и делает ее своей. Обелиск просто излучает. А если он излучает, то почему я не могу просто... поставить вокруг него ведро?

Я усмехнулся собственному сравнению. Ведро. Хорошая аналогия.

Купол я строил почти час. Не потому что было сложно - потому что хотел сделать все правильно. Шестигранники, те же самые, что в щите, только теперь они складывались не в плоскость, а в сферу. Каждая грань - ячейка. Каждая ячейка - ловушка для энергии. Я просто обкладывал его со всех сторон, как муравьи обкладывают добычу своими телами.

Когда последний шестигранник встал на место, сфера сомкнулась. Я вплел в нее нити - тонкие, упругие, соединяющие каждую грань с соседними. Присоединил к эфиру, заставив циркулировать, и в центре купола, прямо над обелиском, сформировал фильтр - тот самый, что перерабатывал чужую волю в мою.

Оставалось только открыть шлюзы.

Я потянулся волей к куполу и почувствовал, как грани отозвались. Первые капли багрового света отделились от трещин обелиска и потекли вверх - медленно, неохотно, будто их тянули силой. Я ждал. И через несколько минут купол начал наполняться.

Это было приятно, как глоток колодезной воды после долгой дороги. Энергия шла ровно, стабильно, без всплесков. Я чувствовал, как она проходит через фильтр, как чужая воля сгорает в кристалле, а чистая сила оседает в моем каркасе, заполняя пустующие ячейки. Мой эфир становился плотнее, тяжелее, надежнее.

«Вот так», - подумал я. – «Шикарно».

Я прикрыл глаза, сосредоточившись на потоке. Купол работал как часы. Обелиск не сопротивлялся. Он вообще никак не реагировал - будто ему было все равно.

Это должно было насторожить меня раньше.

Обелиск перестал излучать на третьем часу.

Я заметил это не сразу - поток ослаб, но не иссяк. Я подумал, что он просто исчерпал поверхностный слой, и начал тянуть активнее. Усилил нити, добавил воли, заставил купол сжиматься, выдавливая энергию из трещин.

И тогда обелиск дернул.

Это было не как удар. Это было как... вдох. Обелиск втянул в себя всю энергию, что была вокруг него - и скверну, и ту, что я гнал через купол. Просто взял и забрал. А потом потянулся дальше по моему куполу, к моим каналам, ко мне.

Я почувствовал, как грани моей структуры начали проседать. Не трескаться - именно проседать, терять плотность, будто из них выпивали силу. Нить за нитью, грань за гранью. Купол, который я строил как ловушку сменил хозяина. Тянул он теперь не из обелиска, а из меня.

- Ах ты..., - выдохнул я.

Кристалл в сердце забился чаще, пытаясь компенсировать отток. Я потянул купол обратно, попытался закрыть шлюзы, но грани уже были связаны с обелиском. Каждая нить, которую я вплел, теперь работала против меня. Я сам протянул дорогу от своей силы к жадности.

Давление росло. Я чувствовал, как воля утекает - не рывком, а ровным, неумолимым потоком. Каркас начал гудеть от напряжения, кристалл пульсировал с надрывом, а обелиск все тянул и тянул, будто хотел выпить меня до дна.

«Разорвать, - мелькнула мысль. - Немедленно».

Но разорвать связь оказалось не так просто. Нити приросли к обелиску, вцепились в трещины, вплавились в его структуру. Я дернул одну - она натянулась, но не лопнула. Вторая, третья - та же картина. Обелиск держал крепко.

Я сжал волю в кулак. Не стал тянуть нити по одной. Вместо этого я сконцентрировался на центре купола - там, где был фильтр - и сжал его. Резко. До предела.

Шестигранники начали схлопываться. Грани ломались, нити лопались, но каждая сломанная связь забирала с собой часть моей силы. Это было больно. Не физически - боль была в каркасе, в кристалле, в самом основании моего существа. Я чувствовал, как трещины, которые только-только затянулись после боя с волшебником, снова раскрываются.

Но я не останавливался. Сжал еще сильнее. Еще.

Купол рухнул.

С оглушительным, беззвучным хлопком, который я почувствовал всем своим существом. Шестигранники разлетелись искрами, нити рассыпались, фильтр лопнул, и меня отбросило назад - на этот раз гораздо дальше, чем в первый.

Я упал на спину, прокатился по выжженной земле и замер. Каркас гудел, кристалл пульсировал с перебоями, половина ячеек была пуста. Обелиск стоял, как и прежде. Черный, треснувший и сочащийся светом.

И совершенно, абсолютно целый.

- Неудача, - прошептал я, глядя в небо.

Я лежал на мертвой земле и слушал, как эфир вокруг медленно успокаивается. Скверна снова текла от обелиска, ровно и спокойно, будто ничего не произошло. Будто меня здесь и не было.

Я потратил три часа на строительство, часть тела и изрядный кусок воли - и все, что получил, это несколько часов чужой энергии, которую обелиск тут же забрал, с процентами.

«Не ломать, не брать, - подумал я. - А как тогда?»

Ответа не было. Только гул эфира, тихий и равнодушный.

Я сидел на земле, опять восстанавливаясь, когда почувствовал это. Тонкое, почти незаметное движение в эфире. Кто-то шел ко мне. Не скверна, не пауки. Что-то другое.

Я поднял голову и увидел его.

Он сидел на плоском камне у дерева, в сотне шагов от меня. Не появился из ниоткуда, и не вышел из тени - просто был там, будто сидел давно. Старик в простой серой рясе, с четками на коленях. Лицо покрывали морщины, но глаза оставались ясными - такими ясными, что казалось, они видят не только меня, но и то, что за мной.

В эфирном поле он был... никаким. Не вспышкой силы, не плотной аурой, не узлом нитей. Он был прозрачен. Нити эфира текли сквозь него так же свободно, как сквозь воздух, не задевая, не цепляясь, не оставляя следа. Я видел его глазами, слышал его дыхание, но для эфира его не существовало.

И именно это напугало меня больше, чем любой темный волшебник.

- Долго же ты шел,и я не дух и не бог, - произнес он, будто прочитав мой вопрос. – Я просто тот, кто перестал мешать течению. И эфир перестал замечать меня.

Я не двинулся с места.

- Ты меня видишь?

- Я вижу всех, кто идет, - его взгляд был спокойным. - А ты шел громко. Обелиск тебя услышал, пауки услышали, даже я услышал. Такое не скроешь.

- Ты знаешь, что это за место?

- Знаю. - Он поднял руку и медленно провел ею по воздуху. Эфир вокруг его пальцев на миг стал плотнее, проявив тонкие линии, что тянулись от обелиска во все стороны. - Это узел. Один из многих. Темная богиня вплела его в эфирное поле, как ее детки пауки вплетают нить в паутину. И теперь он тянет соки из этой земли, а земля отдает. Пока не отдаст все.

Я молчал. Слова были простыми, но за ними стояло нечто больше, чем просто понимание.

- Кто ты? - наконец спросил я.

- Меня зовут Ирмиль. Я монах ордена Созерцающих. - Он улыбнулся, и в этой улыбке не было ни капли превосходства. - Мы не воюем, не строим империй, не служим богам. Мы просто смотрим. И иногда помогаем тем, кто запутался в нитях.

- В нитях?

- В нитях судьбы. - Ирмиль поднялся с камня. Движения были неторопливыми, но в них чувствовалась собранность, будто каждое движение было выверено годами практики. - Ты уже слышишь эфирное поле. Я вижу это. Ты прошел путь воли до конца. - Он чуть склонил голову. - Но поле - не то, что можно взять силой. Его можно только услышать. И когда услышишь - оно ответит.

- Я слышу, - сказал я. - Но не могу коснуться.

- Потому что пытаешься управлять. - Монах покачал головой. - Эфирное поле - это не инструмент. Это среда. Как вода. Ты не можешь приказать воде течь. Ты можешь только плыть с ней.

Это было вроде бы логично, понятно. Он шагнул ко мне и сел на землю прямо напротив. Не на камень - на землю, скрестив ноги, будто ему было все равно, где сидеть.

- Садись, - сказал он. - Я покажу тебе то, что ты пока не видишь.

Я не двинулся.

- Почему я должен тебе доверять?

- Ни почему. - Ирмиль пожал плечами. - Можешь не доверять. Можешь уйти. Можешь попробовать снова сломать обелиск - я видел, как ты старался. - В его голосе не было насмешки, только констатация. - Но если хочешь понять, почему у тебя не получилось, - садись. Я не буду учить тебя магии. Я покажу тебе, как смотреть.

Я колебался. Внутри все еще гудело от боя, кристалл пульсировал с перебоями. Но любопытство было сильнее осторожности. Я сел напротив него.

- Хорошо. Показывай.

Ирмиль не стал ничего объяснять. Он просто поднял руку и медленно провел ею по воздуху - так, будто раздвигал занавес.

И я увидел.

Нити, которые я слышал, но не мог разглядеть, вдруг проявились. Они оплели меня со всех сторон - тонкие, светящиеся, живые, разных цветов. Одни тянулись от меня к небу, другие - к земле, третьи уходили вдаль, теряясь в пространстве. Они вибрировали на разных частотах, и каждая вибрация была как нота в огромной симфонии мира.

Но были и другие. Тяжелые. Они обвивали мою грудь, сходились в тугой узел там, где кристалл бился в сердце, и уходили вглубь.

- Что это? - хрипло спросил я.

- Это твоя печать, - ответил Ирмиль. - Та, что наложила на тебя богиня. Ты согласился, и ее воля вплелась в твою судьбу. Теперь эти зеленые нити - часть тебя. Они будут тянуть, направлять, напоминать. Пока ты не выполнишь долг или не найдешь способ развязать узел.

Я смотрел на них и чувствовал, как они пульсируют в такт моему сердцу. Три услуги. Три узла. Один уже был тусклее - тот, что привел меня к обелиску, понял я. Два других были яркими, и ждали своего часа.

- Как их разорвать? - спросил я.

- Это не так просто. - Монах покачал головой. - Печать - это не веревка. Это часть твоей кармы. Ты можешь выполнить долг - и тогда нить ослабнет. Можешь найти того, кто сильнее богини. А можешь принять их и научиться с ними жить. - Он помолчал. - Но есть и другой путь. Ты уже видел его. Там, у обелиска.

Я вспомнил багровые нити, уходящие на север. Чужая воля, чужая печать.

- Темная богиня?

- Она тоже плетет нити. - Ирмиль кивнул. - И ее нити могут перебить печать Милоны. Но цена будет высокой. Ты станешь частью ее доминиона. Навсегда.

Я молчал. Выбор был не между хорошим и плохим.

- Ты сказал, что можешь помочь, - наконец произнес я. - Как?

Монах улыбнулся.

- Я покажу тебе, как слышать эфирное поле, как часть себя. Тогда ты сам сможешь читать нити. И, возможно, найдешь свой путь.

Он протянул мне руку.

- Готов?

Я посмотрел на его ладонь. На темные нити, что оплели мою грудь. На светящиеся линии, что тянулись от меня во все стороны.

- Готов, - ответил я и взял его за руку.

Прикосновение было странным. Не тепло, не холод - просто... ничего. Будто я схватил воздух. Но в тот же миг эфирное поле вокруг нас дрогнуло, и я почувствовал, как нити, что тянулись от меня, начали двигаться. Они не рвались и не путались - они выстраивались. Медленно, одна за другой, они складывались в узор, который я не мог понять, но чувствовал его правильность.

- Не пытайся ухватить, - тихо сказал Ирмиль. - Просто смотри. Поле само покажет тебе то, что нужно.

Я перестал тянуться. Просто смотрел - так, как он учил. Не управлял, не анализировал. Просто был.

- А светлые? - спросил я.

- Светлые - это твои связи с миром. - Монах указал на тонкие линии, что тянулись от меня в разные стороны. - Вот эта - к дриаде. Она слабая, но живая. Вот эта - к эльфу, с которым ты шел. Она почти невидима, но она есть.

Он замолчал, и его взгляд остановился на одной из нитей. Она была не просто светлой - она горела. Золотисто-зеленая, как первый луч солнца сквозь листву, она пульсировала ровно и сильно, будто по ней текла сама жизнь. Она тянулась от меня куда-то на северо-восток, и я почувствовал знакомое тепло, коснувшееся груди.

- А это... - Ирмиль замолчал, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление. - Эта нить... она не как остальные. Она ярче, она тянется не просто к знакомому. Она тянется к тому, кто держится за тебя изо всех сил. Кто не отпустил. Кто ищет.

Я смотрел на нее, и внутри поднималось что-то, чего я давно не чувствовал. Не страх, не злость. Что-то другое. Теплое. Знакомое.

- Шатти, - прошептал я.

Имя сорвалось само собой, и в тот же миг нить отозвалась - вспыхнула ярче, запульсировала чаще, будто услышала.

- Ты ее знаешь, - сказал Ирмиль, и это был не вопрос.

- Она... жрица Милоны. Я спас ее в подземельях. Обещал вернуться. - Я смотрел на нить, и в груди становилось тесно. - Она... она жива?

- Жива, - кивнул монах. - И она ищет тебя. Эта нить - не просто воспоминание. Это сила. Пока она держится за тебя, ты крепче держишься за этот мир. Она тянет тебя обратно, даже если ты сам не хочешь возвращаться.

Я молчал. Смотрел на золотисто-зеленую нить, которая пульсировала в такт моему сердцу, и чувствовал, как что-то внутри меня, что я считал давно потерянным, снова начинает биться.

- Она сильнее, чем остальные, - тихо сказал Ирмиль. - Сильнее, чем ты думаешь. Не обрывай ее. Что бы ни случилось - не обрывай.

- Я не собирался, - ответил я, и голос мой совсем иначе, чем я ожидал.

***

Мы просидели до вечера. Ирмиль показывал, как нити двигаются, как они реагируют на мои мысли, как меняются, когда я перестаю давить волей. Я видел, как темные зеленые нити печати дрожат, когда я думаю о богине, и как они успокаиваются, когда я думаю о чем-то другом. Я видел, как светлые нити тянутся к тем, кто был мне дорог, и как они слабеют, когда я забываю о них.

- Ты не обычный маг, - сказал Ирмиль, когда солнце начало клониться к закату. - Ты не колдун и не друид. Ты - тот, кто может стать проводником, связующим эфира. Но для этого тебе нужно перестать быть тем, кто берет. И стать тем, кто течет.

- Течет? - переспросил я.

- Эфирное поле - это океан. Ты можешь черпать из нее ведром или строить плотины, как делают маги или колдуны. А можешь стать частью течения. - Он посмотрел на меня. - И тогда река будет течь сквозь тебя. Сама. Без усилий.

Я молчал, переваривая его слова.

- И как этого добиться?

- Не добиваться. - Монах покачал головой. - Просто перестать мешать. - Он поднялся с земли, отряхнул рясу. - На сегодня хватит. Ты устал, и я устал.

- Ты останешься? - спросил я.

- Я всегда рядом, - ответил он. - Просто не всегда видим. - Он улыбнулся и шагнул в сторону ручья. - Отдохни. Завтра будет новый день.

Он ушел, а я остался сидеть на земле, глядя на нити, что оплели меня со всех сторон.

Итерлюдия I.

Глухой коридор оканчивался тупиком и одной дверью в конце. Она метнулась к ней, придерживая тяжелый щит, обитый железом, еще и правой рукой, заглянула - скудно обставленная комната пять на пять шагов, разруха, разбитые полки и разбросанный скарб.

- Сюда! - крикнула жрица назад, развернулась. Молитва, наложенная на щит, осветила с десяток шагов - неширокий коридор с каменной кладкой. Из сгущающихся теней позади доносились шаги, тихий лязг стали, тяжелое дыхание отставшей группы. Они отступали. Наконец все четверо прошмыгнули в помещение, плотно закрыли дверь.

- Фух! Как же болят ноги, - пропыхтел огроменный полуорк, привалившись к стене. Агизаг. Его лицо было покрыто копотью и засохшей кровью - и своей, и чужой. Двуручный меч он положил рядом, и клинок тихо звякнул о камень.

- Тихо, - прошипел Бофус, прислушиваясь. - Они не должны были нас заметить. У нас фора - минута, может две. – Дворф расстегнул лямки на щитке и начал интенсивно растирать ногу. С тех пор, как она отросла, то, начиная с колена и вниз – постоянно жутко чесалась, особенно под щитком от ремней.

Барон Калед сидел на полу, привалившись спиной к разбитому стеллажу. Его новая рапира лежала поперек колен, и он смотрел на нее так, будто видел впервые. Он был бледен - слишком бледен даже для человека, который только что потерял треть крови. Зелье лечения, которое он отдал Бофусу, было последним. Свои раны он не лечил, ему не хотелось.

- Сколько их было? - спросил он тихо.

- Достаточно, - ответил Агизаг. - Големы плоти. Трое. И этот… - он замолчал.

Шатти стояла у двери, прижавшись к ней ухом. Снаружи было тихо. Слишком тихо. Она знала это подземелье - за два месяца она выучила его лучше, чем хотела бы. Тишина здесь означала только то, что мертвецы ждут или просто идут, пока кого-нибудь не найдут.

Она опустила щит на пол, и ее руки, наконец, задрожали.

***

Полгода назад она стояла на пороге гильдии наемников в Гибсхольде, и Мельтус - тот самый эльф, которого Рион когда-то назвал «главой великой и огромной гильдии» - смотрел на нее с недоумением.

- Ты уверена? - спросил он. - Барон Калед вернулся оттуда едва живым. Его телохранитель потерял ногу. Это не прогулка, жрица, – веско закончил в расписанной узорами кирасе эльф.

- Я уверена, - подбоченившись, ответила она.

Она узнала о возвращении барона случайно. Услышала на рынке: «Калед вернулся из Растерфелла. Без сына и с одним телохранителем на одной ноге». Она бросила все и пошла в гильдию. Не потому что надеялась найти там Риона. Потому что надеялась узнать хоть что-то.

Мельтус долго молчал. Потом вздохнул и сказал:

- Барон сейчас в храме Ирмиса. Лекари делают, что могут. Но он не в себе, Шатти. Он потерял сына, и хочет вернуться. И я боюсь, что он не собирается возвращаться оттуда живым.

- Тогда я пойду с ним, - сказала она. - Я жрица и смогу помочь.

Он посмотрел на нее так, будто хотел сказать что-то еще. Но не сказал. Только кивнул и написал записку.

***

Барон Калед лежал на койке в храме Ирмиса, и неподалеку сидел Бофус - одноногий, с костылем, прислоненным к стене. Дворф был бледен, но глаза были живые. Когда Шатти вошла, барон поднял голову и нахмурился.

- Ты кто? - спросил он.

- Шатти. Жрица Милоны. - Она присела на край койки, «даже не вспомнил меня», подумала она. - Я хочу пойти с вами.

Барон медленно повернул голову. Его глаза были пустыми - не от боли, от чего-то, что он увидел там, внизу.

- Зачем? - спросил он.

- Я ищу одного человека, - сказала она. - Его зовут Рион. Он был с вами. В Растерфелле.

Барон молчал. Бофус отвернулся. И это молчание было красноречивее любых слов.

- Он мертв? - спросила она.

- Не знаю, - ответил Барон. - Я видел, как он получил удар магии, сильный. Но там, внизу, все не так, как наверху. - Он замолчал.

Шатти кивнула. Она не заплакала, просто потому, что уже перетерпела все, пока шла сюда.

- Я пойду, - сказала она. - Я должна увидеть сама.

Бофус хотел что-то сказать, но Барон остановил его жестом.

- Через две недели, - сказал он. - Бофус подлечится. Мы выдвинемся. Если ты все еще захочешь.

***

Две недели прошли как в тумане. Шатти училась у настоятеля Эллеклега - не магии, той ее учили с детства, а слушать. Как читать ветер и чувствовать изменения потоков сил. Как понимать опасность раньше, чем она появится. Он был опытным путешественником.

Она не была воином. Но она была жрицей, а жрица должна уметь чувствовать.

Монастырь был окружен, внешние стены стали рубежом. Внутри - нежить. Барон Ириентар и целый клан наемников держали периметр от тварей, и планомерно снижали их поголовье, но не рисковали пробиваться глубоко внутрь. Барон Растерфелла предполагал, что некромант копит силы, и возможно, что есть месяц, а может два, прежде чем враг пойдет на прорыв.

Первые два месяца она провела в лагере. Лечила раненых, помогала с ритуалами, училась у местных жрецов. Она видела, как воины клана «приходящих» - «Солдаты удачи» отправлялись в подземелья группами по пять-десять. Видела, как они возвращались – но не всегда и не все.

Она не ходила с ними. Не потому что боялась - потому что знала: она не воин. Ее место - в лагере, среди раненых.

Барон, Агизаг и Бофус уходили в налеты и возвращались. Потом снова шли, и вот, в какой-то момент – опять исчезли. Но когда пришло известие, что барон Калед жив и держится в средних ярусах шахт, она пошла к Ириентару и сказала:

- Я иду.

Он посмотрел на нее так, будто хотел запретить. Но не запретил.

Тогда она спустилась с группой странных воинов и магов в подземелья и спустя некоторое время нашла их.

Барон Калед был уже не таким, каким она его помнила. Не пустышкой, а очень усталым человеком, который потерял сына и искал смерти, но не находил ее. Агизаг был молчаливым и огромным, как скала. Бофус - ворчливым, но с добрыми глазами. Они приняли ее без вопросов. Они просто кивнули, и она стала частью их группы.

Она не сражалась. Она лечила. Она стояла позади, держала свой щит, который был слишком тяжелым для нее, и молилась. И этого пока хватало.

***

И вот она увидела его.

Это было вчера. Крупный отряд нежити - не обычные скелеты, а тяжелые и бронированные, с големами плоти впереди. Они шли по коридору, и Шатти уже готовилась отступить, когда из-за спин мертвецов вышел он.

Рион.

Он был в доспехах – похожих на те, которые она помнила. Кольчуга, наплечники, шлем с наносником. Только теперь они были покрыты грязью и кровью, а под шлемом было лицо - его лицо, но пустое. Глаза смотрели вперед, но не видели. Он двигался, но не дышал.

Шатти замерла.

Она не закричала. Не заплакала. Не бросилась к нему. Она просто стояла и смотрела, как его тело поднимает меч, который он когда-то держал, и идет на них.

Барон что-то крикнул. Агизаг оттолкнул ее назад. Бофус принял удар на щит. А она все смотрела - на лицо,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.